

Трамон Тана

ПРАВИЛЬНЫЙ МИР

Знакомство

Трамон Тана

Правильный мир. Знакомство

«Издательские решения»

Тана Т.

Правильный мир. Знакомство / Т. Тана — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834394-0

Современная девушка Настя попадает в мир псевдовикторианской эпохи, пропитанной механикой и паром. Размышляя, как вернуться обратно, она знакомится с Франсем и Алом, которые увлекают её в свою жизнь, насыщенную головокружительными событиями.

ISBN 978-5-44-834394-0

© Тана Т.

© Издательские решения

Содержание

1. Спасение от неожиданной опасности	6
2. Последний день литейных работ	10
3. Сто метров с непреодолимой преградой	14
4. Грубиян, аристократ и почти задохнувшаяся	17
5. Ноги запутались в облаках	21
6. Дорога к чужому дому	25
7. Предложение, от которого невозможно отказаться	28
8. Аристократ или вор?	34
9. Здесь должна быть последняя фраза главы, но всему своё время	37
10. Волк в овечьей шкуре	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Правильный мир Знакомство Трамон Тана

Приятного и увлекательного чтения!

© Трамон Тана, 2016

© Трамон Тана, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4394-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Спасение от неожиданной опасности

Пустыня раскинулась на десятки километров. Но вместо песка она была заполнена золотом. В основном 750 пробы. Оттенки варьировались от желто-зеленого и розового до кроваво-красного. То там, то здесь поблескивали обработанные цветные камушки: сапфиры, изумруды, рубины.

За время появления пустыни, золото, как и драгоценные камни, заметно измельчились. Настойчивый копатель мог бы найти здесь половинку дверной ручки, осколок барельефа или черепок кувшина, погребенные под метровым слоем мелких черепков благородного металла. Но такие находки не стоили вкладываемых в них сил и денег. К тому же, пугала возможность ослепнуть от золотого сияния появляющегося над пустыней с первыми лучами солнца или задохнуться от золотой пыли, постоянно метавшейся в воздухе.

В этот полдень солнце светило особенно ярко. Цвет неба зеленел в желтом свечении. Лихой ветер подбирал песчинки и стремился унести их с собой. И чем сильнее становились его порывы, тем больше песка он поднимал в воздух. Начиналась золотая песчаная буря. Проводники и редкие копатели называли это время «Дыханием пустыни». Казалось, что под песком сама земля вздымает свою грудь, пытаясь освободиться от тяжелых золотых доспехов.

– Сударыня, смею ли я Вас потревожить? Я хотел узнать... Вы живы? – послышался приглушенный голос, вытаскивающий Настю из сна.

Девушка подскочила пытаясь нащупать мобильник. Осознав, что вместо деревянной столешницы тумбочки её пальцы утопают в песке, Настя открыла глаза. Золотые лучи обожгло глаза, как огонь. Девушка зажмурилась. На сетчатке остался чёткий золотой отпечаток незнакомца, сидевшего перед девушкой на одном колене. Две-три секунды Настя рассматривала этот «снимок». Вид незнакомца казался крайне странным. Нижняя часть его лица от переносицы скрывал серо-золотой плотный платок, глаза прятались за круглыми очками, как у сварщика, с чёрными непроницаемыми линзами. Цилиндр был натянут на голову почти до самых бровей. А вокруг него стояло золотое мерцание.

– Где я? – спросила Настя, думая, что окружающий мир всё ещё часть сна.

– В Риме, – ответил незнакомец.

– В Риме? – от удивления девушка вновь распахнула глаза, но тут же зажмурилась из-за слепящего света.

– В пустыне, – уточнил незнакомец.

– Какая пустыня в Риме? – не могла понять девушка. Она пыталась осмотреться, прикрывая глаза рукой.

– Пустыня не в Риме, – поправил её собеседник. – Рим и есть пустыня.

– Такого не может... – Настя чихнула из-за проникающей в нос пыли.

– Послушайте, – обеспокоенно заговорил незнакомец. – Скоро начнётся буря, пойдёмте со мной. Одна Вы здесь не выживете.

Настя продолжала считать, что находится во сне. А раз это сон, то глупо спрашивать, как она сюда попала, кем является этот человек, да и человек ли он? Она подала незнакомцу руку и поднялась на ноги. Тот положил руку девушки себе на плечо и быстро пошёл вперед. Настя, как могла, закрывала глаза и нос свободной рукой, стараясь защитить их от света и приставучей золотой пыли.

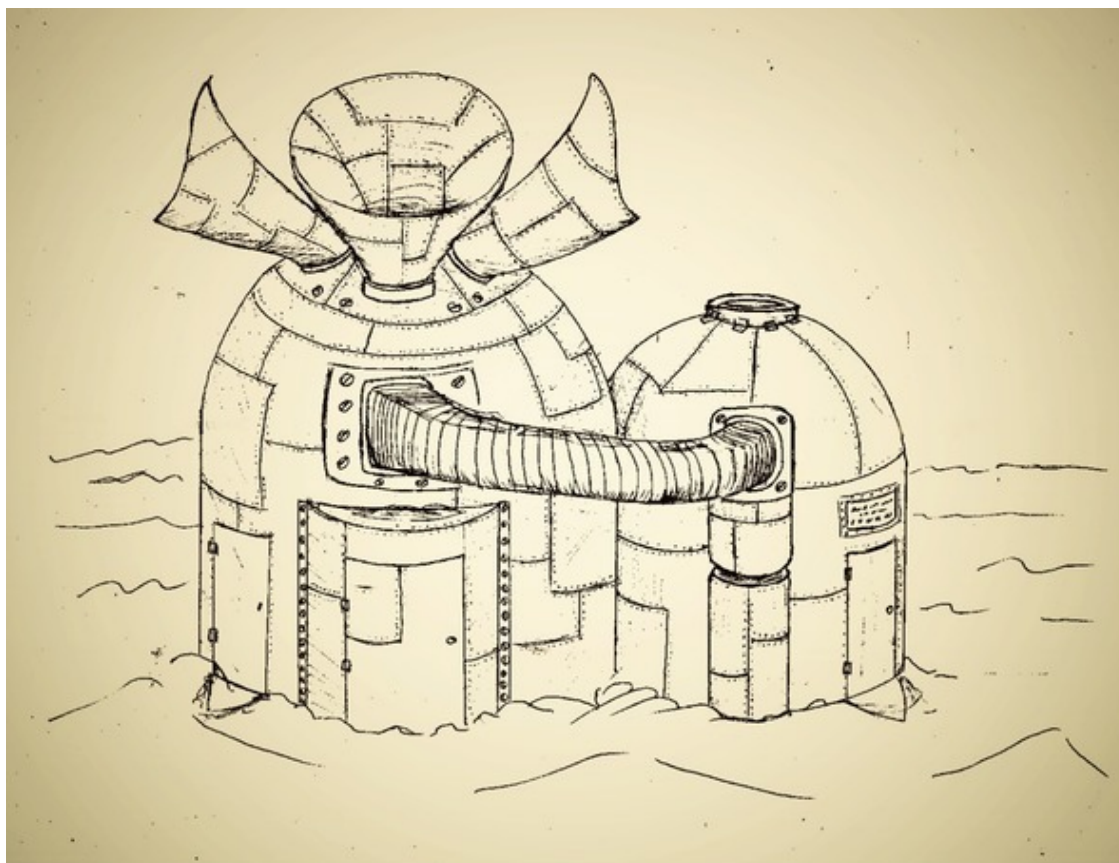
Послушно следуя за незнакомцем по золотому песку, девушка вдруг осознала, что чувствует боль, которая острыми иголками пронизывает всё тело.

«А разве человек может чувствовать боль во сне? – подумала про себя Настя. – А вдруг это не сон?»

Девушка застыла на секунду от такой мысли. Её рука соскользнула с плеча проводника. Настя испугалась. Она не могла открыть глаза из-за слепящего свечения, не могла окликнуть незнакомца из-за пыли осаждающей её дыхательные пути. Кроме завывания ветра ничего не было слышно. Девушке показалась, что она осталась одна, что весь мир растворяется в этом золотом свечении, которое вскоре поглотит и её. Состояние растерянности и страха усиливалось. К глазам подкатывали слёзы.

Вдруг она почувствовала, как кто-то в мягкой замшевой перчатке кладёт её руку себе на плечо. Это было плечо незнакомца. Настя узнала его по необычной комбинации мягкости твида и шероховатости металлических крупинок, большим количеством скопившихся в ворсинках ткани. Никогда ещё в обычной жизни Настя не радовалась так незнакомому человеку.

Они прошли несколько метров, пока незнакомец не остановился около невысокого строения. Оно состояло из двух прижатых друг к другу двухметровых цилиндров, сбитых из больших металлических листов с куполообразными крышами. Один цилиндр повыше, второй пониже. На крыше более высокого цилиндра в разные стороны смотрели железные воронки, будто срезанные с огромных туб [1] и деревянным молотком подогнанные под нужную форму: верхний край подлиннее, нижний покороче и немного загнут в центр. Ветер набирал силу и, как заправский дворник, закидывал в эти локаторы золотую пыль и мелкие песчинки.

Незнакомец достал из кармана длинную металлическую палочку с круглым потёртым набалдашником и вереницей отверстий разного диаметра по всей длине. Он ощупал стену, отвернул небольшой лист металла, плотно прибитый всего на один гвоздь, и вставил палочку в спрятанное отверстие. Повернув три раза до щелчка, незнакомец надавил на лист металла. Тот поддалась с неохотой и скрежетом, открывая узкий проход внутрь. Незнакомец пропустил девушку вперед, а после протиснулся сам. Лист тут же спружинил обратно с характерным щелчком закрывающегося замка.

Долго сдерживаемый кашель вырвался наружу. Насте пришлось ударить себя несколько раз в грудь, чтобы освободить лёгкие. Глаза продолжала атаковать пыль, притаившаяся между ресниц. Девушка безуспешно растирала их руками, пытаясь вытряхнуть ту гору песка, что, по ощущениям, скопилась под веками. Но вреда от этих действий было больше, чем пользы, потому что и лицо, и руки девушки были усыпаны тонким слоем золота.

Незнакомец снял очки-гогглы сразу как вошёл, поэтому избежал временной слепоты и заметил беспомощные попытки девушки открыть глаза. Он достал из нагрудного кармана маленькую гравированную фляжку и хлопковый носовой платок. Обильно смочив ткань, он деликатно взял Настину руку и вложил в неё влажную ткань. Девушка протёрла глаза, но зрение восстановилось не сразу. Глаза привыкали к свету постепенно, мерцание затихало. Наконец Настя смогла осмотреться и вернуть платок своему спасителю.

– Буря затихнет через пару часов, – сказал незнакомец, убирая фляжку и платок обратно в карман. – Вам несказанно повезло, что мы приехали в это время. Ещё полчаса и ветер завернул бы Вас в песок полностью.

Очки-гогглы висели на его шее как украшение. Платок, крепящийся одной стороной к очкам, а противоположной завязанный на шее, так же из вещи защитной, превратился в декоративную. К сожалению, грубая ткань не могла создать красивых складок, поэтому топорно торчала на груди горным хребтом. Незнакомец оказался молодым человеком, лет восемнадцати. Он был очень худой и казался от этого выше, чем был на самом деле. Его зелёный сюртук, застёгнутый на все пуговицы и усыпанный золотой пылью, походил на форму военного. Скорее всего, потому что плечи были настолько позолочены, что издали могли сойти за погоны или эполеты. На ногах-спичках свободно сидели узкие светло-коричневые брюки в широкую клетку, внизу забавно морщившиеся от наступающих на них высоких коричнево-золотых ботинок. Цилиндр был из такого же материала, что и сюртук. В верхней части он заметно расширялся и, под своим весом, клонился на правый бок. Незнакомец снял головной убор, обрушив на пол короткий золотой ливень. Его вьющиеся каштановые волосы взмокли и стояли торчком у корней.

– Вы отстали от экскурсии? – осведомился молодой человек, подходя к печке, в которой догорал уголь.

– Я? – растерялась Настя.

– Да, – в свою очередь удивился молодой человек. – Здесь же больше никого нет.

На стене рядом с заслонкой висела лопата, которой молодой человек зачерпнул горсть угля из мешка, лежавшего под ногами, и бросил его в печь.

– А разве это не сон? – растерянно спросила Настя.

– Сон? – удивился молодой человек. Он замер с лопатой полной угля, размышляя над этим вопросом.

– Мне так не кажется, – сказал он, закидывая уголь в печь. – Я ощущаю себя живым и мыслящим. К тому же, я помню чёткую хронологию своих действий, начиная с самого утра. А во снах, как Вам известно, последовательность не соблюдается, хронология не ведётся, да и вопросы никакие не задаются. Всё как-то само собой происходит по тайному сценарию подсознания.

– В моём случае как раз есть не стыковки по... хронологии... или логике, – пыталась объяснить Настя. – Я вообще не понимаю, что происходит.

– Не торопитесь, у нас есть время, – улыбнулся ей молодой человек. Он нажал коленом на один из листов металла. Лист вдавился внутрь, а потом спружинил обратно. Это оказалась дверца ящика, мастерски спрятанного в стене. Незнакомец извлек оттуда складной стул, собрал его за секунду и поставил почти на середину помещения, жестом приглашая Настю присесть. Девушка послушно села.

– Нам с компаньоном нужно поработать в соседнем цеху, – объяснил он, указывая куда-то на стену. – Побудьте здесь. Я думаю, у Вас будет достаточно времени во всём разобраться. И, если Вы пожелаете, мы можем вывезти Вас из пустыни.

– Я подумаю, – отозвалась Настя.

Незнакомец слегка поклонился и отошёл к стене. Он толкнул высокий лист, который служил дверью в другое помещение.

– Прошу прощения, – произнес он, обернувшись уже из другого помещения. – Забыл представиться. Меня зовут Франс. А как величать Вас?

– Настя, – почти сразу ответила девушка.

– Настя? – удивился он, и даже застыл на секунду, но затем добавил. – Ничего не трогайте.

Дверь за незнакомцем закрылась и Настя смогла осмотреться вокруг. Помещение освещалось из круглого окна в центре сводчатого потолка. Стены и пол были сделаны из металлических листов разного размера и форм, где-то спаянные, где-то сколоченные, некоторые соединялись скобами. Местами металл был изъеден ржавчиной, которую удачно маскировали на полу сажа, а на потолке копоть. Место проникновения в помещение угадывалась благодаря позолоченному опылению стены со стороны проема и золотым следам, ведущим от так называемой «двери» к печке.

– Так сон это или не сон? – сама себя спросила Настя.

[1] Туба – широкомензурный медный духовой музыкальный инструмент.

2. Последний день литейных работ

Второе помещение располагалось в более высоком и широком цилиндре. В центре куполообразного потолка виднелась короткая труба, в виде перевернутого усеченного конуса. Из её макушки отходили узкие трубы, неровным строем бежавшие по стене к трём объемным колбам, направляя туда золотую пыль, бежавшую из воронок на крыше. Освещением служил ряд иллюминаторов вокруг трубы. Поступающий свет отражался в протёртом полу, сложенном из осколков старых зеркал. Благодаря этому пространство освещалось равномерно, хотя и придавало всему окружению золотой отлив. Половину цеха занимал большой литейно-прессовочный аппарат, собранный из различных предметов от других конструкций. Детали были в основном металлические, но ручки и наконечники рычагов – деревянные. Если бы это сооружение увидела Настя, она приняла бы его за работу какого-то художника, создающего скульптуры в стиле скрап-арт [2].

– Раскрой секрет, как тебе это удаётся? – спросил компаньон Франса, как только тот закрыл дверь в котельную.

– С радостью, – кивнул Франс, снимая сюртук. – Но я не понимаю, какой смысл ты вкладываешь в свой вопрос?

– Как тебе удается находить неприятности с такой непосредственностью? – пояснил Ал, не вдаваясь в подробности. Он был всего на четыре года старше Франса, но густая чёрная борода и суровый взгляд тёмно-карих глаз увеличивали внешнюю разницу.

– Ты об этой барышне? – Франс указал на дверь, за которой сидела Настя.

– А ты ещё кого-то в песке откопал? – искренне удивился Ал.

– Нет, – ответил Франс. – Но если бы ты увидел её, ты бы понял, что такое милое создание не может доставить неприятности.

– Милое создание в форме каторжницы? – хмыкнул Ал.

– Ты бросил на неё всего один взгляд, когда она лежала на земле, наполовину засыпанная песком, – воскликнул Франс. – Как ты разглядел её одежду?

– Я был надзирателем, – коротко ответил Ал.

Он развязал рюкзак-мешок и извлёк несколько железных форм в виде куба и пару толстых варёжек-прихваток. Подготовку к литью молодые люди провели в молчание. Ал снял со стены одну из заполненных колб, Франс вынул складной стул из стены-шкафа, разложил его и поставил перед Алом. Тот проворно залез на него с тяжелой колбой на плече. Ал высыпал золотую пыль в воронку, задев дном колбы свод полка. Жёлтый песок побежал по трубе к чану, спрятанному внутри конструкции. Франс стоял у приборной доски и следил за показателями. Шкала термометра постепенно шла вверх. Ал установил пустую колбу на место, снял вторую и вновь направился к аппарату.

– Пока рано, – остановил его Франс, неотрывно следя за красным шариком, показывающим вес содержимого чана. Через минуту Ал опустошил вторую колбу, а затем и третью. Температурная шкала остановилась на нужной отметке.

– Материал готов, ставь форму, – скомандовал Франс, вытирая платком пот.

– Уже всё поставил, лей, – ответил Ал. Франс потянул рычаг. Послышался скрип. Чан с золотом, спрятанный внутри конструкции наклонился. Золотая жидкость потекла по трубе к специальной столешнице, на которую Ал поставил полый металлический куб с небольшой припаянной воронкой наверху. Жидкость через воронку затекала в полость куба, принимая внутри форму пресс-папье с фигурной ручкой.

– Останавливай! – крикнул Ал. Франс поднял рычаг. Подача золотого сплава прекратилась. Ал одел варёжки и снял форму со столешницы.

– А ведь мы здесь последний раз, – заметил Франс, пока Ал устанавливал вторую форму на столешницу. – Пожалуй, нужно было бы взять с собой пива или вина. Отметить.

– В такой жаре? – Ал вытер рукой пот со лба, снял прихватки и расстегнул влажную рубашку. – Включай.

Франс опустил позолоченный рычаг. Жидкость потекла в форму. На этот раз оно разливалось в две статуэтки балерин.

Молодые люди приезжали в этот цех уже год. Они отливали золотые фигурки на заказ. Смесь различных сплавов придавала изделиям разные оттенки. Поэтому фигурки получались не только дорогими, но и уникальными.

Целью такой деятельности было получение приглашения на званый вечер для молодых перспективных предпринимателей. Он устраивался раз в год неким Енцо Джиронимо, продолжающим традиции рода Франков, длившуюся уже несколько столетий.

– Нам может не хватить материала, – сказал Франс, глядя как быстро уменьшается вес чана. – Буря только начинается, понадобится много времени, чтобы колбы снова заполнились.

Ал посмотрел на Франса, ища в памяти подходящее крылатое выражение. Так ничего и не придумав, он молча одел гогглы, взял пустое ведро, надавил на дверь, высунул в проём руку и зачерпнул ведром песка. Золотой вихрь влетел в цех, покружил под куполом и как снег опал на пол.

– Этого хватит? – спросил Ал, показывая «улов» Франсу.

– Не могу сказать без подсчетов, – ответил Франс, заглядывая в ведро. – Я забыл, что мы в Золотом городе. Но если этого не хватит, всегда можно высунуть наружу руку с ведром.

– Только в следующий раз это будет твоя рука, – Ал стряхнул с волос золотую пыль.

Чан вновь наполнился золотом. Молодые люди продолжили работу. Температура в цехе поднималась. Ал скинул с себя свитер и тонкую рубашку, Франс, не занимаясь физической нагрузкой, но стоя у раскаленного аппарата всё же расстегнул рубашку. Когда последняя форма была наполнена, Франс остановил аппарат. На секунду наступила тишина. Слышно было, как на улице ветер бросается горстями песка в стены постройки и как попавшие в воронки песчинки бегут по трубам, наполняя колбы. Ал достал из мешка-рюкзака махровое полотенце, вытер им свой смуглый рельефный торс и взмокшие от жары волосы.

– Предлагаю за один раз всё заморозить, – сказал Франс, откидывая металлическую половицу в центре цеха. Под ней находился глубокий колодец. По его стене вниз спиралью спускалась полая металлическая балка с продольной выемкой по нижней части. Жёлтый свет пытался спуститься вниз, захватывая и поработая новое пространство, но растворялся в полуметре от пола. Осадки золотой пыли только на пару сантиметров неуверенно покрывали стены из таких же металлических листов, что и всё сооружение. Ал перенёс две формы к колодцу. Франс решительно приподнял одну из форм. Она оказалась слишком тяжела и молодому человеку пришлось задействовать обе руки. Его крабовая походка вызвала смех у компаньона.

– Спину держи прямо, а то хребет сломаешь, – посоветовал он. Франс не смутился. Он прекрасно осознавал разницу в физической силе между ним и Алом, но считал, что это не повод для него наблюдать, как работает другой человек.

– Лучше фиксируй формы на цепь, – сказал Ал, когда Франс направился за второй формой.

Хитрость конструкции колодца заключалась в следующем: через ручки в формах продевалась специальная цепь с металлическими шариками, прикреплённые крючками через каждые 10 звеньев. Металлические шарики засовывались в полость трубы, цепь же вместе с грузом оказывалась под трубой и по продольной выемке начинала двигаться вниз, влекомая силой притяжения. Толстый набалдашник на другом конце трубы не позволяла грузу упасть на самое дно колодца. Он наполнялся холодными подземными водами и служил для охлаждения готовых изделий.

Ал опустил все формы в колодец, закрепил край цепи на специальный крючок и закрыл крышку.

– Как обычно пятнадцать минут? – Франс достал из кармана сюртука песочные часы.

Ал кивнул. Он надавил на одну из пластин на стене, вытащил второй стул и сел на него рядом с люком.

– А ведь мы здесь последний раз, – повторился Франс. Он подтащил стул, который Ал использовал как возвышение для заполнения чана в аппарате, поближе к люку. Очистив сидение от следов золотой пыли, молодой человек удобно устроился на нём, лицом к собеседнику.

– Мне кажется, я буду скучать по этому месту, – продолжил Франс ностальгически осматривая стены. – Но в то же время я рад и взволнован предстоящим событиям. Что если Енцо Джиронимо узнает меня и выставит за дверь до того как я доберусь до сейфа?

– Слишком много лет прошло, – спокойно ответил Ал.

– Но два года назад в таверне меня узнал наш слуга Джамаль, – возразил Франс. – А он также видел меня последний раз в восемь лет.

– А тебя не удивляет ваша случайная встреча? – спросил Ал. – Столько лет прошло. Он в эту таверну раньше никогда не заходил. А тут зашёл и встретил тебя. Да ещё и рассказал, что завещание не уничтожено, а хранится в сейфе. К тому же это единственный из ваших слуг, кого Енцо оставил у себя. Почему?

– Из-за предпринимательского бала, я думаю, – сразу ответил Франс. – Джамаль всегда был организатором. Он знает все правила и традиции.

– А почему Енцо до сих пор устраивает эти вечера? – продолжал спрашивать Ал.

– Как бы тебе объяснить? – задумался Франс. – Если бы я силой отобрал у какой-то семьи имение, а у этой семьи были бы какие-нибудь общественные традиции, то я бы продолжал следовать им, чтобы никто из окружающих не подумал, что я захватил это место силой. Со стороны это бы выглядело будто семья оставила свой дом, а я просто остался присматривать за ним.

– Но зачем Енцо понадобилось ваше имение? – не понимал Ал. – В чём причина? Каковы его мотивы? Можно сказать, что он уничтожил твою семью. Зачем? Чтобы поселиться в вашем доме и давать предпринимательские вечера?

– Я не знаю, – развёл руками Франс. – Ты столько раз задавал мне эти вопросы, но я и сейчас не знаю ответов на них. Но Джамалю я верю. В таверне он был искренне удивлен и рад встречи со мной!

– Поражаюсь твоей вере в людей, – хмыкнул Ал.

– Однажды я поверил тебе и помог, – напомнил Франс. – И ничуть не жалею об этом.

– Ты мне помог, потому что я мог быть тебе полезным, – ответил Ал. – А на какую пользу ты рассчитываешь от этой... за дверью?

– Ты об этой милой бедной барышне? – словно уточнил Франс.

– Да, – кивнул Ал. – Тебе не смущает, что эта бедная барышня одна посреди пустыни, да ещё и в форме каторжника?

Компаньон Франса сидел, упершись спиной в спинку стула, скрестив руки на груди и расставив ноги. В этой статичной позе, освещенный со всех сторон золотыми бликами, он походил на статую.

– Опять ты об этом! Я уверен, что тебе просто показалось, – возразил Франс. – Через затемнённые гогглы некоторые вещи кажутся не такими, какими являются на самом деле.

– На ней грубая серая мешковина, – Ал был непоколебим. – Даже низший класс не носит одежды из такой ткани.

– В любом случае мы не можем оставить её здесь, – продолжал настаивать Франс. – Мы вывезем её из пустыни, а по дороге она расскажет, как сюда попала.

– Во-первых, сначала стоит узнать, хочет ли она отсюда выбраться, – сказал Ал.

– Конечно, хочет, – воскликнул Франс. – Покажи мне хоть одного человека, который добровольно отправится в пустыню без снаряжения.

– Зеркало есть? – вдруг спросил Ал.

– Да, в сюртуке должно быть, – немного растерялся Франс.

– Достань и посмотришь в него, – улыбнулся Ал. – Вспомни как ты первый раз собрался ехать в этот цех. Чуть ли не в смокинге.

– Я думал, у нас сначала будут деловые переговоры по поводу аренды цеха и пескохода, – попытался оправдаться Франс. – Потом бы я переоделся.

– Думал и не угадал, – сказал Ал и продолжил. – А, во-вторых, в пескоходе мы ни о чем с ней не поговорим. У нас двигатель глохнет от перегрева, да и песок клапаны забить может в любой момент. А ты, мой друг, не повелитель бури, чтобы убрать её из списка дополнительных трудностей.

– Но я настаиваю, что мы должны взять её с собой! С нашей стороны будет преступлением оставить её здесь. Мы оба знаем, что этот цех используют фальшивомонетчики. Это люди с заниженными границами морали и нравственности.

– Хорошо, но высадим её у моечных цехов.

Когда последняя песчинка в песочных часах присоединилась к своим сестрам-пятнадцатиминуткам, Ал открыл колодец, снял с крюка цепь и потянул её на себя. Когда формы оказались на полу, вода сбегала с них, дымкой растворяясь в золотистом воздухе.

– Достань из рюкзака кольцо и верёвки, – скомандовал Ал, надевая свитер. – Привяжи все веревки к кольцу. Сейчас буря стихнет перед второй волной. Мы вытащим формы на улицу и я за один раз их утащу на пескоход. Проверь всё здесь. Ну и свою бедную барышню не забудь.

Франс выполнил указания Ала, пока тот перетаскивал формы к дверям.

– Может мне рюкзак взять? – предложил Франс.

– Не переживай, – усмехнулся Ал, надевая кепку и гогглы с закреплённым на них платком. – Это не самое тяжелое.

Он одел рюкзак, приоткрыл дверь и вытолкнул все формы в золотой песок. Франс ловко протянул ему кольцо с веревками, перед тем, как за компаньоном захлопнулась дверь. Ал привязал свободные концы верёвок к ручкам форм и за кольцо потащил их все к пескоходу.

Франс осмотрел цех. Пронизанное золотыми оттенками помещение молчало, вбирая в себя спокойствие и безмятежность. Молодой человек убрал стулья в потайной ящик, а песочные часы обратно в карман. Он привёл себя в порядок: протёр лицо платком, застегнул рубашку на все пуговицы, безуспешно отряхнул сюртук и верхушку цилиндра от впившегося в ткань золота. Затем бросил прощальный взгляд на литейно-прессовочный аппарат, улыбнулся наступающей новой жизни и вышел в котельную.

[2] Скрап-Арт (Scrap-art) – создание скульптур из мусора.

3. Сто метров с непреодолимой преградой

Когда Франс оставил Настю одну, девушка ещё несколько минут сидела неподвижно, ожидая продолжения сна. Поверить, что всё происходит на самом деле, она не могла. До этого «пробуждения», Настя жила в обычном небольшом городке на Северо-Западе Российской Федерации, работала в консалтинговой компании и увлекалась чтением фантастики. Накануне вечером она вернулась с работы в свою маленькую квартиру, взятую в ипотеку. Завтра её ждало важное собеседование на должность начальника PR-отдела, поэтому Настя отменила встречу со своим женихом и засела за повторение теории.

Поздний вечер погрузил во тьму опустевший город. Световые столбы тянулись своими лучами в космос. В окнах домов телевизоры и мониторы мигали с одинаковой частотой. Страна болела за свою сборную на мировом чемпионате по футболу. Но даже эта всеобщая бесполезная эйфория не отвлекла девушку от книг.

Новость о разгромном проигрыше отечественной команды застала её уже в постели. Настя не расстроилась. Засыпая, она думала только о предстоящем собеседовании. Повышение сулило прибавку к зарплате, отдельный кабинет и возможность небрежно сказать на встрече выпускникам, что она – начальник, а не мямлить о должности рядовой телефонистки.

Но заснуть не удавалось. В девушке росло непонятное беспокойство. Сон накатывал и отступал: как прибой перекачивает волны между двух миров – берегом и морем – так и сознание девушки перекачивалось из квартиры в открытый кузов грузовика. Где от постоянной тряски тело девушки бросало в разные стороны, больно ударяя о деревянный пол. Ничего не было видно кроме звездного безмолвного неба. Затем и оно исчезло.

И вот она сидит в тёмном с золотым отливом помещении, тело её изнывает от боли и жары, а за стенами золотая пустыня. Что это, если не сон? Время шло, но ничего не происходило. А разве сон бывает настолько статичным? Сон-это цветная карусель, когда ты стоишь на земле, а она вертится рядом с тобой, поочередно показывая свои яркие цветные картинки. У Насти же складывалось ощущение, что она стоит внутри карусели, а мир вокруг неё вращается с небывалой скоростью. И вроде можно внимательно рассмотреть карусель, но что находится за её пределами, понять невозможно.

Настя посмотрела на свои руки. Слабый свет с золотым отливом не смог скрыть обилие синяков и царапин. Насте показалось, что руки её стали значительно худее, чем раньше. Девушка перевела взгляд на ноги. И вновь немое удивление застыло в её глазах. Ноги тоже были худее обычного и скорее напоминали две палки, усыпанные синими пятнами и мелкими царапинами. Из последних сил на ногах держались разваливающиеся сандалии, вцепившиеся своими истёртыми шнурками и тонкие щиколотки. Эта всплывшая деталь, заставила девушку обратить внимание на свою одежду. Вместо уютной пижамы на теле болтались какие-то лохмотья. Бесформенная юбка из ткани, напоминающей мешковину, имела изорванный подол и несколько дыр, появившиеся от старости, моли или прожогов. Юбка цепко держалась за лиф из такой же ткани, хотя в некоторых местах по соединительному шву виднелись зазоры. Лиф был больше похож на обычный мешок, к которому пришили юбку и прорезали отверстия для рук и головы. Никаких вытачек, швов или строчек, чтобы придать изделию форму, не было. Зато были какие-то тёмные пятна разных диаметров от сажи, пота и машинного масла. Настю одолела брезгливость, она захотела избавиться от этого тряпья. Вот только переодеться ей было не во что, поэтому пришлось давить в себе отвращение к этому наряду.

Пытаясь восстановить хронологию событий, она запустила руку в свои короткие волосы, чтобы хорошо их потрепать. Ей казалось, что таким жестом она заставляет свои мысли работать быстрее и продуктивнее. Привычный жест не удался, так как вместо аккуратной стрижки на голове оказалась спутанная копна волос, переходящая в растрёпанную косу до самого пояса.

«Такого не может быть! Волосы не могут отрасти так за одну ночь!» – думала про себя девушка. Сердце бешено стучало от волнения, гулко отдаваясь пульсом в виски.

Окончательно запутавшись в своих мыслях, Насте оставалось только ждать. Если это сон, то её разбудит будильник. А если вдруг не сон? Нет, такого не может быть!

Наконец из соседней комнаты вышел Франс.

– Не скучали здесь? – вежливо поинтересовался он, вешая цилиндр на гвоздь.

– С мыслями в голове не соскучишься, – ответила Настя, наблюдая, как молодой человек надевает сюртук.

– У нас осталось не так много времени, – Франс застегнул пуговицы и достал из кармана гогглы с платком. – Буря немного успокоилась и нужно уехать отсюда до начала второй волны. Мы направляемся в Неабург. Вы оттуда?

– Нет, – Настя пыталась подобрать слова, чтобы начать объяснения.

– В любом случае, это ближайший город, – сказал Франс, думая, что девушка не доверяет ему, поэтому отвечает односложно. – Оттуда Вы сможете добраться до своего дома, где бы он не находился, на любом виде транспорта. Но у меня есть просьба: если Ал будет задавать Вам вопросы, отвечайте на них честно, ничего не утаивая. Он крайне недоверчив и не одобряет мою идею вывезти Вас из пустыни.

– Кто такой Ал? – осторожно поинтересовалась Настя.

– Мой компаньон, – Франс надел цилиндр.

– А чем вы занимаетесь здесь? – спросила Настя. Она пыталась найти вопрос, который поможет ей разобраться в происходящем.

– Создадим прекрасного, – улыбнулся Франс. – Сейчас нам необходимо добраться до пескохода. Поступим так: Вы закрываете глаза, я беру Вас под руку, открываю дверь и веду к пескоходу. Ваша задача быстро перебирать ногами, молчать и прятать глаза и нос от песка.

– Может бурю лучше здесь переждать? – предложила Настя.

– Нет, буря занесёт весь цех и мы не сможем выбраться, – Франс огляделся по сторонам. – Вам нужно чем-то закрыть лицо.

Девушка оторвала большой кусок ткани от юбки, ещё больше оголив себе ноги. Это заставило молодого человека отвернуться в смущении. Он быстрым шагом подошёл к двери и вставил ключ в замочную скважину. Раздался щелчок, Франс убрал ключ в карман и схватился за дверную ручку, которую Настя до этого не замечала в полутьме. Привычным движением руки он одел очки, потянувшие за собой платок.

«Хорошая конструкция» – подумала про себя Настя, подходя к Франсу. – Одно движение и лицо полностью спрятано.»

– Приношу свои извинения, но в этих очках я ничего не вижу здесь, – обратился Франс к Насте, поправляя ремешок на затылке. – Вы приготовились к выходу?

– Да, – Настя подбежала к молодому человеку, набрала в себя как можно больше воздуха и приложила кусок ткани к лицу.

– На счёт три, – Франс приоткрыл дверь и сразу назвал нужный счёт. – Три!

В помещение тут же ворвался золотой вихрь. Настя опустила защитную ткань, чтобы высказать своё удивление от столь быстрого счёта. В эту же секунду Франс открыл дверь шире, подпер её своим телом и, схватив девушку за плечи, вытолкнул наружу. Ослеплённая ярким светом, Настя тут же попыталась спрятать лицо в ткань, но было уже поздно. Золотая пыль забиралась по дыхательным путям все глубже в горло. Девушка начала кашлять, и от этого хватать ртом еще больше пыли. Чтобы хоть как-то вырвать себя из этого замкнутого круга, Настя попыталась плотнее прижать к лицу кусок оторванной юбки. Глаза слезились от пыли, успевшей собраться на платке. Совсем потерявшись в пространстве, Настя осела на песок. Франс хотел подхватить её, но прикинув, сколько им идти, понял, что в таком состоянии девушка

не успеет дойти, так как по пути задушит сама себя попытками зачерпнуть чистого воздуха. Возвращаться в цех было нельзя, буря набирает обороты и дорога каждая минута. Он скинул свой сюртук, с головой накрыл девушку и потащил к пескоходу. По пути они несколько раз падали, Франс тут же вскакивал, обхватывал девушку за плечи, не давая вездесущей пыли пробраться под сюртук, и быстро тащил дальше. В темноте, духоте, с кашлем и невыносимым зудом в глазах, девушка совсем потерялась в пространстве. Она перебирала ногами, даже не понимая, идёт она или лежит на песке. Если бы Настя могла размышлять в этот момент, она бы подумала: «Какая нелепая смерть! Неизвестно где, непонятно с кем. И от чего? От золотой пыли! А ведь я предпочитаю платину...»

После продолжительной борьбы с пустыней, молодые люди добрались до пескохода. Он внешне был очень похож на паровоз с прицепленным вагоном. На его железные колёса были одеты резиново-металлические ленты, напоминающие гусеничный трак танка. Вся конструкция была усыпана золотой пылью и её изначально чёрный цвет, терялся в этой жёлтом мерцании.

На подножке вагона их ждал Ал. Он помог втянуть девушку на платформу и втолкнул ее в вагон.

4. Грубиян, аристократ и почти задохнувшаяся

При входе в вагон Настя запнулась о порог и рухнула на пол. Ал поднял её и усадил на стул рядом с дверью, а затем стянул с её головы сюртук. Будучи человеком не робкого десятка, он всё же немного отпрянул от девушки, едва взглянув на неё. Всклокоченные волосы, слезящиеся воспалившиеся глаза, исцарапанные руки, которыми она била себя в грудь, искривлённый открытый рот, из недр которого при каждом ударе вырывалось маленькое облачко золотой пыли – превращали девушку в злую сказочную ведьму, почти побеждённую положительным героем.

– И даже умный человек, на самом деле лишь безумец, – негромко пропел Ал известную песенку, выражая Франсу своё мнение о происходящем.

– Но даже вдруг сойдя с ума, я всё равно приду на помощь, – ответил ему Франс словами из той же песни, закрывая входную дверь.

– Я добрых дел обычный мастер... – продолжал напевать Франс, снимая шляпу и гогглы.

– Мастер, не время петь, – оборвал его Ал, жалея, что вспомнил эту песенку. – Решил помогать, помогай. Твоя барышня всё ещё задыхается.

Франс будто опомнился и побежал вглубь вагона, за водой и медикаментами.

– Обувь! – окликнул его Ал.

– Потом уберу, – ответил молодой человек, доставая из шкафчика пузырек и жестяную кружку.

В кружку он набрал воды из герметичного чана, стоящего рядом, и накапал в неё розовой эссенции из пузырька. Тем временем Ал снял свою куртку, шапку и платок с гогглами. Всё своё обмундирование он аккуратно опустил в большую корзину, куда до этого уже отправил сюртук Франса. Настин кашель не прекращался, глаза невероятно чесались, их было сложно открыть, но и закрыть их было невозможно. От постоянного моргания становилось только хуже. Капилляры лопались, затягивая белки красным цветом.

– Пейте большими глотками, – Франс вложил в руки девушки кружку. Настя попыталась отпить, но кашель выплескивал всю воду обратно. На помощь пришел Ал и, чуть ли не силой, влил в захлебывающуюся девушку все содержимое кружки. Першение прошло, но в легких и по всей гортани осела золотая пыль и дышать было сложно. Настя жадно хватала воздух, забывая выпускать его обратно. Франс принес еще воды с микстурой. В этот раз девушка выпила самостоятельно, но с небольшими перерывами.

– Её нужно повесить вниз головой и хорошо поколотить, – посоветовал Ал. – Тогда пыль выйдет быстрее.

– Она и так вся в синяках, – возмутился Франс. – Нужно просто положить её на подлокотник кушетки.

– Сама дойдешь? – как-то грубо спросил Ал. Настя попыталась на него посмотреть пренебрежительным взглядом, но проблемы с дыханием и жжение кожи вокруг глаз превратили её надменный взгляд в жалобно-моргающий. Ал, словно издеваясь, ответил девушке прямым немигающим взглядом полного равнодушия. Франс тут же решил вмешаться и прекратить эту баталию взглядов с заранее известным победителем. Он помог девушке переместиться на кушетку, стоящую у ближайшего окна справа. Затем принес еще воды с микстурой. Его компаньон в это время тщательно обтер мокрой тряпкой сапоги, брюки и ножную сумку, снимая с них золотой слой. Затем смочил чистое полотенце в тазике с водой и вытер лицо, избавляя лоб и брови от золотого налёта. Наконец он снял со стены складной стул и сел напротив кушетки.

– Нужно было оставить её на стуле, – сказал он осматривая золотой след тянущийся от двери к кушетки. – Знаешь, же условие – вагон сдавать чистым.

– Не понимаю этого условия, – ответил Франс. – Он ездит только по пустыни. Что случится, если все предметы здесь покроются небольшим золотым напылением? Даже интерьер гармоничнее станет.

– Я понимаю, что ты соскучился по золотым простыням и золотой посуде, – хмыкнул Ал. – Но золотая пыль – это пыль. Он попадает в лёгкие, глаза, желудок. Мы сейчас видим прекрасный пример близкого контакта с золотой пылью. И если не содержать вагон в чистоте, то мы сами к концу поездки могли бы выглядеть также. Просто процесс был бы медленнее.

– Это замечательно, что ты можешь найти объяснение всему, – сухо ответил Франс, показывая, что эта тема не так важна, чтобы продолжать её обсуждение.

– Как ты разглядел, что она милая? – спросил Ал, брезгливо рассматривая девушку.

– После моечных цехов ты сам в этом убедишься, – Франс достал из ящика в столе небольшое полотенце и смочил его водой.

– Как ты здесь оказалась? – спросил Ал, демонстративно обращаясь на «ты».

– Я не знаю, – прохрипела Настя. Золотые крупинки раздирали горло. Каждый слог приносил боль. Франс жестом показал Насте допить воду с микстурой до дна.

– А до этого где была? – спросил Ал, когда девушка осушила кружку.

– Дома, – говорить стало заметно легче. – Я пришла домой после работы, позанималась делами и легла спать. А глаза открыла уже здесь. Мне снился странный сон перед этим. Меня везли куда-то, кажется в грузовике. Меня бросало из стороны в сторону и, кроме звезд над головой, ничего не было видно.

– Это ужасно, – Франс свернул мокрое полотенце в несколько слоёв и отдал девушке. – Вас выдернули из шлема без подготовки! Приложите к глазам на пару минут. Не прижимайте сильно.

– Я бы сказал, ужасно, что ты в это поверил, – сказал Ал, качая головой.

– Но это всё объясняет, – ответил Франс.

– Что объясняет? – удивился Ал. – Если с каторжника слетит шлем, его отведут в комнату ожидания и дождутся, когда к каторжнику вернётся его блюм. Затем этот блюм снова извлекут, наденут шлем и каторжник готов к работе. Она пытается убедить нас в том, что с неё сняли шлем без подготовки и вывезли в пустыню. У меня один вопрос: зачем?

– Предположу, что от неё хотели избавиться, – Франс забрал пустую кружку у девушке и подошёл к чану с водой.

– Ты всю воду на неё переведёшь, – прокомментировал его действия Ал. – От физической силы на каторгах не избавляются. К тому же, что они сделали с документами на неё?

– Не хочу показаться бестактным, – Франс поставил кружку на стол и решительно посмотрел на Ала. – Но мы оба знаем один пример, как вытащить человека с каторги и уничтожить все следы его присутствия на ней.

– Я тебе в пятый раз повторяю, никогда не вспоминай эту историю – угрожающе ответил компаньон. – Забудь, что такое было. Это может навредить не только твоей репутации. А если её тоже вытащили с каторги, то почему бросили в пустыне?

– Была погоня – предположил Франс. – Они хотели уйти от преследователей по пустыне. Ехали по барханам, вот она и вылетела из кузова.

– Тогда почему её не подобрали преследователи и не отвезли обратно?

– Они могли не заметить её, темно же было, – развёл руками Франс. Он вновь подошёл к девушке, чтобы сменить платок. Настины глаза оставались вспухшими, но зуд уменьшился и девушка уже могла смотреть вокруг не моргая. Франс протянул ей платок, смоченный в микстуре.

– Вы понимаете, что говорите обо мне так, будто меня здесь нет? – сказала она. Перед выходом из котельной она осознала, что это не сон. Следующей теорией стал параллельный мир. И это пугало намного больше, чем затянувшийся сон. Из сна может вытащить будильник.

А что вытащит из параллельного мира? И что будет с её карьерой, если она опоздает на собеседование?

– Я тоже хочу понять, что я здесь делаю, – призналась Настя. – И как мне вернуться домой?

– Домой куда? В неправильный мир? – ехидно спросил Ал.

Он сидел на стуле напротив и с подозрением осматривал девушку. Настя чувствовала это и даже пару раз пыталась сыграть с ним в гляделки, чтобы он смутился и отвёл взгляд. Не удивительно, что ей это не удалось, зато она смогла рассмотреть этого ворчуна. Его густая борода закрывала большую часть лица и была такого глубокого черного цвета, что мелкие золотые пылинки, застрявшие в ней, походили на одинокие электрические фонари, безуспешно пытающиеся осветить окружающую их бездонную тьму. Такими же бездонными были его миндалевидные глаза. Казалось, что через них можно увидеть всю его жизнь, полную трагедий, ненависти и предательства. По крайней мере так показалось Насте. Мятая рубашка сидела на нём как мешок, прижимаемый к телу подтяжками. Высокие ботинки, хоть и были очищены от пыли, имели сильные потёртости, и глубокие заломы, выше пальцев и у щиколотки. Их прямоугольные носки обращали на себя отдельное внимание: казалось, что туда положили деревянные бруски для усиления удара. К правой ноге была прикреплена вертикальная сумка из грубой кожи. Одним шнурком она крепилась к поясу, другим обвивала ногу.

Несмотря на столь простое одеяние, сидел он с осанкой короля. Это придавало ему ещё более пугающий вид.

– Не стоит вступать с Алом в дискуссии, – заметил Франс. – Если он исчерпает словесные аргументы, то применит свой «аргументированный» взгляд. А это страшнее любых слов. Ещё никто его не выдерживал.

Франс взял небольшой насос с прикрепленным к нему мешком и воронкой. Он поставил прибор на пол, на один из своих золотых следов, воронкой вниз. Пара взмахов поршнем и золотой след исчез с деревянного пола.

– Замечательная вещь, – уже не в первый раз восхищался Франс. – От следа ни осталось и следа.

– Даже зная, что она каторжница, ты всё равно хочешь вести её в город? – спросил Ал, когда Франс поставил аппарат на следующий след.

– Да, и я не намерен сейчас это обсуждать, – ответил Франс, делая вид, что сильно увлечен.

– Потом может быть поздно, – будто сам себе сказал Ал и обратился напрямую к компаньону. – У тебя пара минут на уборку.

Не говоря больше ни слова, Ал вышел в соседнюю дверь, соединяющую вагон и паровоз.

Франс ещё пару минут избавлял пол от следов, затем подошёл к шкафу, достал объемный шелковый халат с восточными мотивами и протянул его Насте.

– Вам стоит сменить наряд, – сказал он. Небольшой толчок качнул вагон. Пескоход тронулся с места.

– Свою одежду бросьте рядом с корзиной у входной двери, – Франс устоял на ногах. – Я оставлю Вас. Вы сможете переодеться и прийти в себя в тишине и покое. Вам следует прилечь и накрыть глаза платком. Если захотите пить, в чане достаточно воды.

Молодой человек вышел в ту же дверь, что и его компаньон. Настя вновь осталась наедине с собой. Вытянутое вагонное помещение напоминало лавку старьевщика, с той лишь разницей, что здесь не было ни одной ценной вещи. Хотя сейчас, когда всё помещение заливалось золотым светом из шести окон, все предметы будто обретали позолоту. Это было так странно и нереально, что Настя вновь усомнилась в том, что это происходит на самом деле.

«Какой-то странный параллельный мир, – подумала про себя девушка. – Но в нём есть что-то очаровательное! Главное вовремя выбраться из него и успеть на собеседование».

Настя спряталась за ширмой и стянула наконец свой ужасный наряд. Под ним она обнаружила худое измождённое тело. “ Может я – не я?», – предположения продолжали атаковать, Насте стоило больших усилий отогнать от себя эти мысли. Быстро одеть безразмерный халат не получилось. Девушке пришлось повозиться, чтобы хорошо обмотаться этим полотном. Развязать шнурки на сандалиях Настя так и не смогла.

5. Ноги запутались в облаках

Оставшийся путь по пустыне Настя ехала в вагоне одна. В паровозе Франс и Ал продолжали дискутировать о разумности оказания помощи незнакомке. До девушки периодически доносился лишь звук их голосов, слова же размывались шумом гусениц, порой умудрившихся буксовать в песке. Буря осталась где-то позади. Но смотреть в окно стало ещё сложнее. Представьте, что Вы зашли в ювелирный магазин и жмуритесь от яркого освещения. В пустыне было также только в десятки раз сильнее. Всё это наглое жёлтое безобразие без спроса лезло в окна, пытаясь отразиться от любой малюсенькой золотой пылинки, когда-то спрятавшейся здесь. Настя немного жалела, что пескоход выбрался из бури, потому что стена песка затемняла помещение и не приходилось всё время шуриться. К счастью, по мере приближения к земле золотое свечение ослабевало. С горизонта наступали невысокие деревья. Словно бандиты-одиночки они бежали к пескоходу с разных сторон.

Ал остановил пескоход у самой кромки земли. С помощью Франса и домкрата он снял с колёс гусеницы. И, не совсем лёгкими движениями рук, пескоход превратился в землекоп. Поезд пошел быстрее, но тряска и громыхание усилились. Через пару сотен метров двигатель затих, и пескоход плавно остановился. Настя выглянула в окно. Невысокие редкие деревья по краям дороги чуть скрывали дикие нетронутые поля, заросшие ромашками. Послышалось ржание лошадей. В вагон заглянул Франс.

– Мы приехали к моечным цехам, – сообщил он. – Нужно принять душ и поменять транспорт.

– Где мне вас ждать? – Настя с готовностью встала.

– Вам тоже нужно душ принять, – улыбнулся Франс. – Присутствие золотой пыли на человеке не одобряется в Неабурге.

Молодые люди вышли из вагона. В нос ударил запах луговых цветов, смешанный с навозом. Извиняясь за местные ароматы молодой человек быстро повёл девушку к дому перед пескоходом. Это вытянутое двухэтажное здание не имело окон на первом этаже, а над единственным входом с распахнутой дверью висела вывеска с облупившейся краской. Надпись гласила «Баня второго уровня «Поверо и Спорко». У самых дверей Франс пропустил Настю вперед и следом зашёл внутрь.

Помещения выглядело просто. Мелкая плитка покрывала стены от пола до потолка. Хозяин хотел, чтобы снизу вверх глубокий синий цвет плавно перетекал в бледно-голубой, почти белый. Но отсутствие денег и времени позволили мастеру лепить плитку не разбирая в её оттенков. И вместо градиента или простого рисунка получилась разно-синяя рябь. Высокий деревянный потолок смущенно прикрывал свою наготу остатками белой краски.

Золотая пыль, приносимая сюда путешественниками по пустыне, впиталась в большие коричневые плиты на полу, создав желтую дорожку от двери к круглому столу с тремя стульями. Справа и слева вдоль стен стояли несколько простых скамеек для ожидания. Краска на них облупилась, обнажая предыдущие цветные слои, а в некоторых местах даже проглядывал натуральный цвет дерева.

Помещение наполнялось слабым ароматом морской соли. Его приносил прохладный влажный воздух. Он выбегал из распахнутых дверей, увозящих в другие помещения, и, пронюхая мимо вошедших молодых людей, вступал в бой с тёплым потоком, наступающим с улицы. Тишину нарушал только стук каблуков Франса по керамическому полу.

Молодой человек отодвинул один стул от стола и предложил спутнице. Девушка присбо-рилась халат и аккуратно присела на краешек стула. Она где-то читала, что истинные леди делают именно так. А раз с ней находился такой галантный кавалер, то приходилось соответствовать. Франс сел рядом. Он взял со стола колокольчик и громко позвонил в него.

– Сейчас Ал сдаст транспорт, а мы закажем три душевые кабины, – объяснял Франс Насте. – Вам доводилось бывать в таких местах?

– Нет, – слушавила Настя. Она была в и русской бане, и в турецкой, и даже в финской сауне. Но предпочла не признаваться в этом, вдруг здесь всё по-другому?

– Система проста, – по деловому объяснял Франс. – В предбаннике оставляете вещи, заходите в кабинку, кранов три: справа холодная, слева горячая, посередине регулятор напора воды. Рядом полочка с мылом, стакан и два пузырька. Мочалка обычно висит на одном из кранов. Сначала настраиваете воду и моетесь мылом без мочалки. Затем берете мочалку, намыливаете ее и капаете не больше трех капель из пузырька Кальцед. Пены будет много, этой же пеной моете голову. Затем все это тщательно смываете. Вымываете все мыло из мочалки и капаете на неё столько же капель из второго пузырька. Мыло уже не используете. Потом выключаете все краны, выходите в предбанник, насухо вытираетесь и одеваете халат, который там висит. Не пугайтесь, пока Вы будете мыться халат, в котором Вы сейчас заберут.

– Какие сложности, – усмехнулась Настя.

– Золотую пыль не так-то просто смыть, – Франс оставался серьезным. – А эти два пузырька содержат враждующие компоненты, поэтому если перепутать последовательность или смешать один с другим... в лучшем случае можно просто поменять цвет кожи на зеленый или синий.

– А в худшем?

– В худшем ослепнуть, сжечь кожу, потерять обоняние и осязание.

В холл выглянул невысокий полненький мужчина. Его жилет так лоснился, что местами казался кожаным.

– Две? – спросил он.

– Три, – ответил Франс.

– Одна готова, проходите, – мужчина скрылся в проёме. Франс проводил Настю по длинному коридору со множеством дверей к душевой кабинке, где полненький мужчина уже расстелил мокрую тряпку у входа.

– Вы можете оставить обувь здесь, – сказал он указывая на тряпку.

– Честно говоря, я не смогла развязать эти шнурки, – тихо призналась Настя.

– Это не проблема. Надеюсь, Вам они не дороги? – спросил мужчина. Настя отрицательно покачала головой. Мужчина вынул из ножен, прикреплённых к ремню, большие ножницы и разрезал шнурки. Настя даже ощутила какую-то минутную свободу, будто вырвалась на волю из долгого заточения. Она старательно вытерла босые ноги о тряпку и открыла дверь в душевую.

– Сначала мыло, потом Кальцед, – напомнил Франс и закрыл за ней дверь.

Маленькая комнатка освещалась тремя небольшими лампочками на потолке. Стены также были облицованы мелкой плиткой, пол закрывал резиновый коврик. Настя потратила какое-то время на то, чтобы выпутаться из халата. Обратив внимание, что в комнатке нет полотенца и обещанного халата, девушка уже хотела замотаться обратно. Логика подсказала ей, что халат и полотенца могут принести и позже, когда будут забирать её одежду. Отбросив все сомнения, Настя открыла дверь в соседнюю комнату, именуемую Франсем «кабинкой». Комната оказалась еще меньше предыдущей. Из стены торчало три крана, а из потолка на девушку смотрело огромное решето. Настроить температуру и напор оказалось очень просто. Вода хлынула дождевым потоком. Но намыливаться в этом душе оказалось сложно, так как вода тут же уносила все признаки растертого по телу мыла. Пришлось забиться в угол, время от времени касаясь обнаженным телом холодной плитки. Затем Настя изучила два пузырька стоявшие на полочке. От влажности этикетки на них наполовину отклеились, а чернила постепенно сбегали вниз. Надпись на одном из пузырьков уже было невозможно прочитать, на другом же ещё виднелись последние буквы «ет». Девушка стояла в нерешительности. Какой из этих пузырьков

нужно использовать первым? Она отодвинула этикетку на одном пузырьке и, к своей несказанной радости, увидела на обратной стороне надпись «Кальцет» написанную карандашом. В нос ударил не очень приятный запах, отдаленно напоминавший деготь. Стойко перенося усиливающийся аромат, девушка намылила голову. Волосы, до этого упорно противящиеся мылу, поддались. Боль постепенно затихала. Открыв второй пузырек, Настя уже не дышала, так как аромат Кальцета, не прекращал усиливаться, хотя уже все его источники были смыты. Но, на удивление девушки, аромат второго пузырька был полной противоположностью первого. Это был запах только что скошенных луговых трав. За пару мгновений воспоминания о Кальцете улетучились. Закрывая глаза, Насте казалось, что она действительно находится где-то на лугу. Самым замечательным действием второго пузырька оказалось заживление: все маленькие ссадины, царапины, затягивались на глазах, а синяки блекли. Выходя из кабинки, девушка чувствовала, что способна летать. Её не беспокоило присутствие в этом странном мире, все переживания и мысли ушли на второй план. Из комнатки исчез её старый халат. На стуле висел новый, точнее сказать стерильно чистый, но постиранный уже не один десяток раз. Рядом было аккуратно сложено такое же чистое, но далеко не новое полотенце. Одевшись и обмотав голову полотенцем, девушка вышла в коридор. Рядом с её кабинкой на стуле сидел Франс. На нём был такой же стерильный и поношенный халат, а влажные волосы аккуратно зачесаны назад.

– Ваши ноги уже запутались в облаках? – сказал он, вставая.

– Что? – растерялась Настя.

– Это устойчивое выражение, – Франса удивило, что барышня не знает этой фразы. –

Один известный писатель как-то сравнил ощущения после такой бани с ощущением полёта. Он писал “ Хотелось улететь в космос, но ноги путались в облаках».

– Очень похоже, – Настя даже улыбнулась от точности этого сравнения.

– Здесь можно воспользоваться услугами парикмахера, – сообщил Франс. – Кальцет делает волосы податливыми, но вашу спутанную косу сможет расплести только мастер.

Парикмахерская находилась в этом же доме. И представляла собой комнату, чуть больше предбанника в душе. Синяя рябь здесь особенно буйствовала, отражаясь в потёртом массивном зеркале. В центре стоял высокий деревянный стул. Парикмахер, мужчина средних лет со смуглой кожей и кучерявыми волосами, помог девушке удобно устроиться и накиннул на неё прорезиненный фартук.

Настя впервые увидела своё отражения с того момента как очутилась здесь. Зрелище оказалось не самым приятным. Участки шеи и правый висок оттеняли поблекшие багровые пятна. Глаза же были похожи на два телескопа, покраснение ушло, но опухоль на веках осталась.

– Как будем стричь? – поинтересовался парикмахер, он даже не моргнул при первом взгляде на девушку. Уже не раз ему приходилось видеть людей попавших в песчаную бурю без специального снаряжения.

– Наверное, коротко, – ответила Настя, всё ещё сомневаюсь в выборе длины.

– Немного укоротите и завейте, – распорядился Франс стоя в дверях и обратился к Насте. – Я буду ждать Вас в холле.

Франс закрыл дверь, а парикмахер принялся за дело. Через пару минут вошла девушка, внешне похожая на парикмахера.

– Для Вас у нас есть только это, – обратилась девушка к Насте. – Туфлей мы не держим, так что я принесла сандалии.

На этих словах девушка бросила вещи на стул, вынула из них кожаные коричневые сандалии и положила их на пол. Затем сняла с крючка, одиноко висевшего на стене вешалку, и повесила длинное светло-бежевое платье, похожее на сарафан, с пришитым к нему кожаным корсетом. Сверху на платье повесила подъюбник. На стуле остался только широкий льняной шарф песочно-лимонного цвета.

– Шлемов и очков для езды нет, поэтому обмотаетесь шарфом.

6. Дорога к чужому дому

Франс переоделся в лёгкий бежевый костюм, оставленный здесь при оформлении аренды пескохода. Его каштановые волосы высохли и послушно лежали на голове крупной волной. Молодой человек вышел на улицу, где Ал заправлял водой паророллер. Одинокое транспортное средство, похоже на мотороллер. Но с существенным отличием: перед рулём крепился толстый горизонтальный бак. Справа и слева от него отходили трубы, они огибали бак, пробегали рядом с дном аппарата и заканчивались на середине задних колес, выпуская отработанный пар.

– У меня плохие новости, – сказал Франс. – Я получил телеграмму от Лодзи. Она сломала ногу и не сможет сопровождать меня на вечер.

– Телеграфируй Милене, может она кого-нибудь найдёт, – ответил Ал, вынимая шланг и закручивая крышку бака.

– Уже сделал, жду ответ, – кивнул Франс. – Почему ты так торопишься в город? Мы могли бы поехать втроём.

– У меня есть личные дела, – ответил Ал. – К тому же нужно расспросить знакомых надзирателей, не сбежал ли кто с каторги. Может быть эта Настя опасна для окружающих.

– Почему ты не можешь допустить, что она жертва обстоятельств? – удивлялся Франс. – Даже не представляю, чтобы было со мной, если бы я оказался на её месте. Мы не можем быть такими жестокими и бросить её в незнакомой местности.

– Делай, как считаешь нужным, – Ал сел на паророллер. – Запомни только две вещи: не рассказывай ей кто ты такой и что собираешься завтра сделать. И будь бдителен! Даже младенец может укунить свою мать.

На этих словах Ал одел мото-очки и уехал, а Франс вернулся в холл бани. Он расплатился за все услуги и арендовал автомобиль до города. Затем, в ожидании спутницы, присел на скамейку, закинул ногу на ногу и обхватил руками поднятое колено.

Молодой человек настолько сосредоточенно о чём-то думал, что даже не заметил, как в холле появилась Настя. После душа и парикмахерской она заметно преобразилась. Следовавший за ней, хозяин бань никак не мог подобрать слова, чтобы искренне восхититься её красотой, и получить к тому же несколько монет за это. Девушка не замечала его. Окрыленная невероятной лёгкостью, она на время позабыла, что находится в неизвестном ей месте. Новое платье, удобные сандалии, не натирающие при ходьбе, длинные волосы, струящиеся по плечам. Насте казалось, что её движения и походка стали другими: более плавными и грациозными.

Франс очнулся от раздумий, когда Настя коснулась его плеча.

– Вам к лицу этот сарафан, его мягкий беж подчёркивает цвет Ваших волос, – молодой человек сразу встал. – Машина ждёт. Мы можем отправляться в путь.

Молодые люди вышли на улицу, а хозяину бани осталось только позавидовать умениям молодого человека делать комплименты и вздохнуть, что, из-за его нерасторопности, он не смог получить ещё чаевых, помимо тех, что Франс накинул ему при оплате услуг.

Пескоход уже отогнали в депо, а на его месте стоял автомобиль, арендованный Франсем. Таковую модель Настя видела только на фотографиях к статьям о начале развития эпохи машиностроения. Когда было модно отпиливать от летней коляски пассажирские сиденья с колесами и устанавливать позади них паровой двигатель. Для устойчивости аппарату добавляли одно переднее колесо с утяжелителями. К колесу крепили рулевой вал, а на него насаживали небольшой круглый руль с выступающей рукояткой, чтобы процесс управления в руках джентльмена был благородным и не вредил его изысканным манерам.

Франс помог Насте сесть в автомобиль, а затем сел за руль.

– Ал с нами не едет? – обрадовалась Настя, когда автомобиль тронулся с места.

– Нет, – ответил Франс, одевая очки для автомобильной поездки. – Он уехал раньше по личным делам, поэтому не попрощался.

– Это хорошо, – улыбнулась Настя. – Признаюсь честно, он меня пугал.

– На самом деле он очень благородный и добрый человек, – Франс аккуратно надел кожаный шлем, чтобы не испортить причёску. – Но очень недоверчив к людям. Вам следует повязать голову шарфом, чтобы дорожная пыль не осела в волосах.

– Предлагаю перейти на Ты, – сказала девушка, обвязывая голову льняной тканью. – Так проще будет.

– Соглашусь, – кивнул Франс и вывел машину на пустую дорогу.

Поднимая клубы пыли, машина понеслась вперед. Настя быстро поняла, что спрятать волосы под платок оказалось недостаточно. Глаза слезились от ветра. Временами приходилось отмахиваться от насекомых. А редкие встречные автомобили, хоть и сбавляли скорость, обдавали Франса и Настю поднятой дорожной пылью. Победив нежелание выглядеть глупо, девушка перевязала платок спрятав под тонким слоем ткани не только волосы, но и лицо.

– Я не очень смешно выгляжу? – спросила она спутника, завязывая концы шарфа вокруг шеи.

– Нет, – ответил Франс. – Именно так шарфы и повязывают, когда садятся в автомобиль. Ты совсем ничего не помнишь об этом мире?

– Правильнее сказать, я ничего не знаю об этом мире, – поправила Настя. – Я знаю, что вы с Алом приняли меня за какую-то каторжницу. Но я ей не являюсь, чтобы это слово не означало. Я из другого мира. Не хочу показаться грубой, но судя по вашей технике, наука у вас не сильно развита, поэтому я не смогу объяснить так, чтобы ты понял. Да я и сама, если честно, плохо в этом разбираюсь. Когда-то я слышала про теорию о параллельных мирах. Видимо, я попала как-то в один из таких миров. Самое главное для меня – как можно скорее вернуться домой. У меня важное собеседование, мне не позволительно на него опаздывать! Представляешь моё объяснение: «Извините, я не пришла на собеседование, потому что попала в другой мир!» Мне никто не поверит, ещё и уволят за халатное отношение к работе. Тогда два года жизни будут потрачены зря.

– Думаю, я поторопился выехать на дорогу, – Франс притормозил у обочины, заглушил мотор и повернулся к своей спутнице. – Пару лет назад я работал на каторге, но так и не прочитал инструкцию первого разговора с освобождённым каторжником. Я работал наблюдателем и не думал, что когда-нибудь мне это пригодится. И сейчас немного переживаю, смогу ли доступно тебе всё объяснить...

Франс замолчал минуты на две, выстраивая в голове порядок повествования. Настя терпеливо ждала.

– У каждого человека в голове есть блюм, – наконец заговорил Франс. – Это импульс, который заставляет тебя мыслить, воспринимать себя как личность. Человек без блюма – это биологическая машина. Если на его голову одеть специальный шлем, то можно заставить это тело выполнять определённые команды. О наличие блюма стало известно более двух тысяч лет назад. Его долго изучали, научились извлекать и хранить отдельно от мозга. Но в бездействии блюм утрачивал свою жизнеспособность. Тогда был разработан макет неправильного мира. Это большая металлическая сфера. Извлечённый блюм помещают в электрический шар и присоединяют к этой сфере. В электрическом шаре содержится некая, заранее вложенная информация о личности. Блюм помогает это «личности» существовать и через сферу взаимодействовать с другими «личностями». Это целый электрический мир, но в нашем мире есть материальные вещи, а в том только мысли и сигналы. Твоей электрической личности кажется, что всё можно потрогать, почувствовать, но это всего лишь иллюзия. Поэтому этот мир называется правильным, а тот неправильным.

– Мне кажется, что ты сейчас рассказываешь пародию на фильм Матрица. Там тоже тело человека хранили в капсуле и использовали как батарейку, а разум погружали в виртуальный мир, где он жил в крупном мегаполисе.

– Предположу, что ты сейчас рассказала мою историю своими словами, но я ничего не понял.

– Вот и я твой рассказ с трудом понимаю. Я-то тут причём?

– Этот способ стали использовать на заключённых: преступниках, пиратах, рабах. Чтобы они не ощущали тяжесть работы на рудниках, в катакомбах и шахтах, было принято общемировое решение о создании каторг. Блюмы каторжников извлекаются и помещаются в макет, а каторжники используются как машины. Одежду, в которой мы тебя нашли в пустыне, носят только каторжники. А раз ты не помнишь, кто ты в этом мире и уверена, что неправильный мир – правильный, значит, с тебя в спешке сдёрнули шлем. Это открыло проход в головной мозг для твоего блюма. Он преодолел притяжение сферы и помчался домой. Но при этом захватил с собой «личность» из макета. Пока твой блюм заново осваивается и налаживает сигналы с мозгом, «личность» из макета продолжает быть главным. Со временем твоя правильная личность должна проявиться.

– Должна?

– Были случаи, когда с каторжников срывали шлем и они так и не могли вспомнить свою правильную личность. Но не стоит настраиваться на худшее. Я уверен, скоро в твоей голове всё встанет на свои места.

– Ты пытаешься убедить меня, что я не я?

– Ты это ты, но с ложной личностью.

– Ты можешь это доказать?

– Зачем? Когда ты всё вспомнишь, ничего доказывать не придётся.

Франс посчитал, что объяснил всё в очень доступной форме и вновь вывел машину на дорогу.

Настю безусловно удивила бы ровность этой дороги несмотря на отсутствие асфальта, если бы не нахлынувшие сомнения. Что есть Франс прав и вся её жизнь, родственники, друзья – лишь поток информации, а не реальные люди? Что если она совершенно другой человек? Пара слезинок скатилась по щекам девушки, впитавшись в шарф у самого подбородка. Нет, это не может быть правдой! Франс просто не знает, что есть бесконечное количество миров! Поэтому он и думает, что она каторжница! Остаётся только одна проблема: если никто в этом мире не знает о параллельных мирах, как же она сможет вернуться домой?

– Не расстраивайся, – сказал Франс. Он не заметил слёз девушки, но её долгое молчание и сникшая поза говорили больше солёной воды. – Ты можешь жить у нас сколько пожелаешь. К тому же, я надеюсь, мы скоро сменим нашу квартиру на более просторные апартаменты.

– Спасибо, что помогаешь мне, – поблагодарила Настя. – Даже не знаю, как смогу отблагодарить тебя.

– Не стоит беспокоиться, – улыбнулся Франс. – Любой благородный человек на моём месте поступил бы так же. К тому же я сам когда-то лишился дома и знаю каково это остаться без крыши над головой.

Дорога изгибалась среди пологих холмов, покрытых дикой травой. То справа, то слева столбами стояли высохшие деревья. По их старым стволам тянулись молодые побеги плюща. Где-то вдаль, на самой линии горизонта, в дымке тонули горные хребты. Несколько раз дорога забегала в маленькие поселения фермеров. За невысокими заборами можно было разглядеть уютные или заброшенные дворики и небольшие одноэтажные дома из кирпича и камня.

Оставшийся путь молодые люди ехали в молчании. Настя чувствовала себя неудобно. Она словно заблудилась в лесу и уже пятый час блуждала среди деревьев, теряя надежду найти дорогу домой.

7. Предложение, от которого невозможно отказаться

В город молодые люди въехали на закате. Красные солнечные лучи растворялись в дымке над крышами узких трехэтажных домов, плотно прижатых друг к другу. Балконы вторых и третьих этажей были уставлены горшками с цветами. Чаще это были красные герани, бордовые петунии и розовые азалии, но встречались балконы, усаженные исключительно белыми лилиями, оранжевыми герберами или синими колокольчиками.

Мощёные дороги не имели разделения на пешеходную и проезжую часть. Казалось, что для пешеходов не существует правил перемещения по улицам и они позволяли себе выпрыгивать перед автомобилями и недовольно грозить кулаком водителю, как бы восклицая: «Куда прёшь? Я здесь иду!» Большую часть толпы составляли рабочие. В простых выцветших брюках и рубашках, испачканных в машинном масле и саже, они сбивались в группы, чтобы весело провести вечер в ближайшем трактире. Встречались и чисто женские трио и квартеты, предпочитающие маленькие кофейни. Смешанные компании попадались крайне редко. Они состояли из молодых парней и девушек того же возраста, что и Франс с Настей. Они вели себя очень шумно и передвигались караваном на паровых повозках или велосипедах, постоянно перекиваясь друг с другом.

Квартирка, в которой жили Франс и Ал, находилась в рабочем районе в четырехэтажном доме. Как и другие квартиры она была очень маленькой, рассчитанной исключительно на сон и ужин. Коридор был настолько узким, что три двери расположенные на разных стенах, можно было открывать только по очереди, чтобы не создать архитектурную ловушку. Справа располагалась ванная комната, прямо каморка Франса, налево многофункциональная комната, через которую можно было попасть в каморку Ала.

Франс провёл Настю в многофункциональную комнату, поставил чайник и направился в свою каморку, наводить порядок. Многофункциональная комната представляла собой вытянутое помещение с окном, выходящим на дорогу. С одной стороны стояла мойка, печь-плита и шкаф. С другой – две скамейки вдоль стены и вытянутый стол, на котором лежали книги, чертежи, механические детали, не вымытая посуда, с засохшим хлебными крошками. Чтобы не оставаться со своими мыслями наедине, Настя решила навести порядок, тем самым отплатив хозяевам за гостеприимство.

Она аккуратно переложила все вещи со стола на скамейку. Сложила в одну стопку книги. На них водрузила пачку чертежей. Вымыла посуду.

Франс вернулся и застал девушку у открытого шкафчика, с любопытством изучающую коробку с овсяными хлопьями.

– Никогда не видел здесь такого порядка, – оценил Франс. – Кажется, комната увеличилась в объеме.

– Честно говоря, мне это не свойственно, – призналась Настя, отвлекаясь от чтения. – Я не привыкла хозяйничать на чужой кухне.

– Это не кухня, – поправил Франс, усаживаясь за стол. – Это многофункциональная комната. Она служит и кухней, и столовой, и гостиной, и кабинетом, и мастерской и всем другим, чем можно заниматься в помещении. Вообще эта квартира является одной многофункциональной комнатой. Мы с Алом сделали перегородки сами, так как ценим пространство для уединения.

– Прекрасно вас понимаю, – кивнула Настя. – Скажи, в этой коробке овсяные хлопья?

– Да, ту же написано, – удивился Франс.

– Тут написано, что это овсяная каша и её нужно просто залить кипятком, – поправила Настя. – Но кашу варят..., а кипятком заливают хлопья. Немного разная еда получается.

– В любом случае, ужинать мы будем этой овсяной кашей, – Франс забрал коробку из рук Насти. Он достал большую металлическую миску, высыпал в неё половину содержимого коробки и убрал остальное в шкаф.

– Должен признать, что из-за моей рассеянности сегодня мы едим завтрак на ужин, – корил себя молодой человек, зажигая огонь на плите и ставя на неё чайник. – Мы проехали мимо нескольких ферм, но у меня совершенно вылетело из головы, что нужно запастись продуктами.

– А разве ты не можешь заказать ужин на дом? – удивилась Настя.

– Конечно, можно заказать повара, – кивнул Франс. – Он даже продукты все сам купит. Но это дорого и заказывать нужно заранее. Мне остаётся только пообещать, что завтрашний ужин будет сытнее и вкуснее.

Чайник быстро закипел. Франс залил дымящейся водой овсянку и накрыл крышкой.

– А что из себя представляет ваш мир? – спросила Настя, помогая молодому человеку сервировать стол приборами.

– Даже не знаю с чего начать описание, – Франс поставил на стол две медные кружки с отчеканенными изображениями птиц и цветов. – На дворе 5145 год.

– Какой год? – не поверила Настя.

– 5145, – повторил Франс. – Человечество существует намного дольше, но раньше не вели летосчисление. А в один прекрасный день решили ввести числа, месяцы, годы. Чтобы упорядочить хронологию событий. Наша планета имеет форму шара. Она состоит из материков и воды и делится на две полушара: Истовое и Вестовое. Мы находимся на Вестовом полушаре. Наш материк называется Итаера. Итаерцы выглядят как мы с тобой: светлая кожа, каштановые волосы, зеленые глаза.

– Ал не похож на итаерца, – заметила Настя.

– Ал – инделиец, – ответил Франс. – Он с материка по названию Инделия. Это на Истовом полушаре.

– Если сейчас 5145 год, то где роботизированные заводы, летающие машины, телепорты? – спросила Настя, география этого мира её мало интересовала.

– У нас консервативное общество, – ответил Франс. – Нововведению нужно просуществовать сто лет, прежде, чем его примет общественность. Например паровой автомобиль, на котором мы приехали первую тысячу лет использовался только на заводах для перевозки изделий. Появление на дорогах персональных автомобилей в своё время вызвало ряд протестов. А сейчас их можно увидеть даже на улицах маленьких поселений. Как правило исследованиями и развитием прогресса занимаются богатые люди, превращая это в своё хобби, или люди среднего класса с целью заработать на этом денег.

– Но как же стремление к развитию? – удивилась Настя. – Создание машин, облегчающих жизнь...

– Наше общество не стоит на месте, оно развивается, – Франс снял крышку с миски и разложил кашу по тарелкам. – Мы делаем это медленнее, чем в неправильном мире. У нас средняя продолжительность жизни составляет сто лет. В пятьдесят начинается средний возраст. К этому времени человек накапливает опыт и знания. А что до облегчения жизни... у богатых есть слуги, а бедным некогда об этом думать.

– Но почему у вас нет компьютеров? – не понимала девушка.

– Советую приступить к трапезе, в холодном виде эту кашу есть невозможно, – сказал Франс и продолжил: Неправильный мир, который ты считаешь правильным, выдуман. Некоторые люди устраиваются на каторгу сценаристами для того, чтобы проявить своё воображение. Они могут придумать несуществующие виды животных, растений, а также добавить или убрать законы физики, химии и любой другой науки. До мира, который ты считаешь правильным, были другие миры. Они разрушались самим человеком. Оказалось, есть принцип, кото-

рые заложен в блюме каждого из нас: чем больше ты имеешь, тем больше ты хочешь. И если эту жадность не контролировать, вскоре она начнёт контролировать тебя.

– А при чём тут компьютеры? – всё ещё не понимала Настя.

– Так я же объясняю, – Франс закинул ложку каши в рот и быстро прожевал. – Многие законы созданы в неправильном мире искусственно. В правильном такое повторить невозможно. Когда-то давно в неправильном мире законы физики позволяли людям летать и переносить тяжёлые предметы одним взглядом. Но от этого быстро отказались, так как развитие цивилизации слишком ускорило.

– Но развитие – это же хорошо, – не сдавалась Настя. – Прогресс помогает больше узнавать об окружающем мире, о том, откуда мы произошли...

– Знаешь в чём ошибка прогресса неправильного мира? – спросил Франс. – Он как новая дорога для путника. Неизвестно куда приведёт.

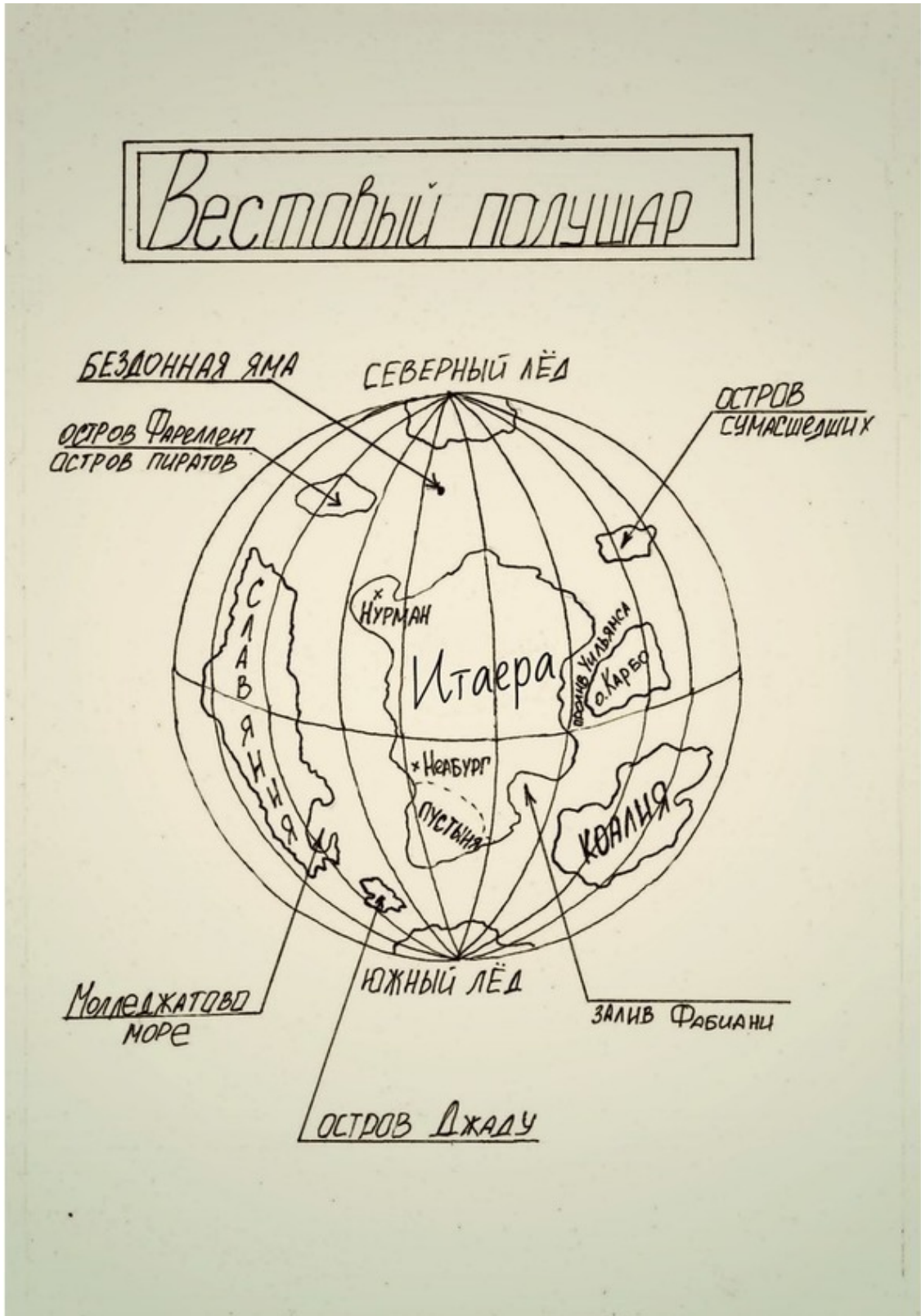
Настя не знала, что ответить.

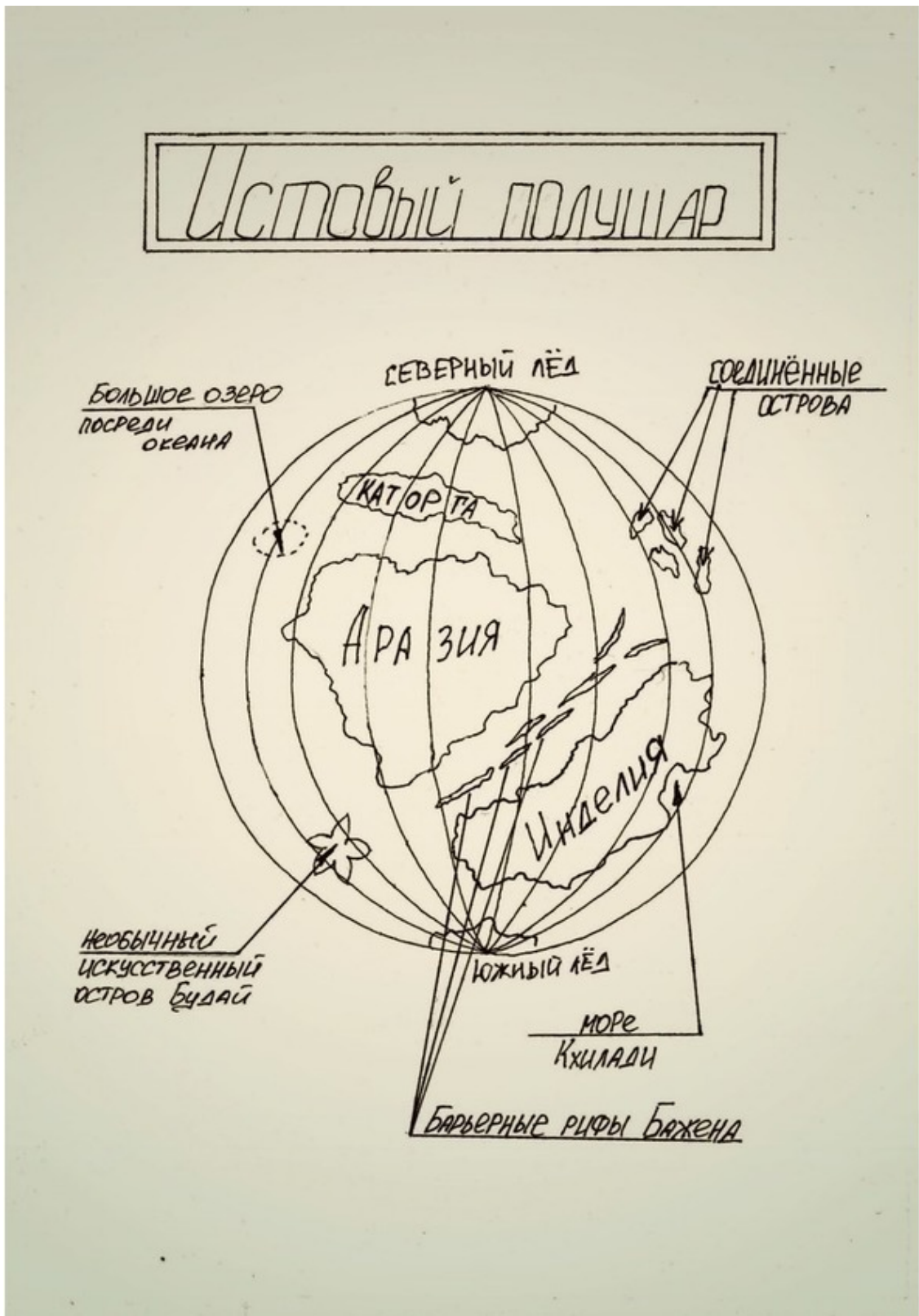
– Ешь, – напомнил Франс.

– У меня сейчас такие события в жизни происходят, что аппетита особого нет, – призналась девушка, ковыряя ложкой в каше. – Мне начинает казаться, что я не только перестаю понимать где я, но и кто я.

– У меня есть идея, как помочь тебе, – улыбнулся Франс. Мысль пришла к нему неожиданно и обрадовала его.

– И как же? – девушка не могла дождаться, когда молодой человек прожует очередную ложку каши.

– Тебе нужно выйти в свет, – ответил Франс. – Завтра в поместье Франков будет званый вечер. Моя сопровождающая дама, к сожалению, не может пойти. Ты можешь занять её место.
– Но у меня даже одежды нет для этого, – вздохнула Настя.

– Об этом не беспокойся, – Франс поставил свою тарелку в мойку. – Завтра мы пойдём в салон мадам Ди’Бо. Там нас будут ждать пошитые костюмы для вечера. Ты с Лодзи похожей комплекции, так что даже платье перешивать не придётся.

– Расскажи о предстоящем вечере? – попросила Настя, пока молодой человек разливал чай.

– Раз в год в поместье Франков устраивают званый вечер, – рассказывал Франс. – Туда приглашают начинающих предпринимателей с сопровождающими дамами. Сначала идёт ознакомительная часть. Все гости знакомятся и обмениваются визитками. Затем открываются двери в сад и гости прекрасно проводят вечер: танцуют, гуляют по саду, играют в настольные игры.

– Ты приглашаешь меня на бал?! – воскликнула Настя. – Как я могу от такого отказаться?!

– На вечер. Балы дают во дворцах, – уточнил Франс и запнулся. – Есть небольшой нюанс: я приглашен под псевдонимом Чипан Сток. А моя сопровождающая дама под псевдонимом Ирма Долар. Тебе нужно будет представляться именно этим именем и обращаться ко мне по имени Чипан.

– Хорошо, – ответила девушка. Этот мир был для неё настолько новым, что история с псевдонимами её совсем не насторожила. После ужина молодые люди разошлись по каморкам. Не найдя себе занятия, девушка легла спать. Заснула она довольно быстро не успев порассуждать ни о своём нахождении здесь, ни о своём будущем там в реальном мире.

Ночью её снилась Африка. Отдельные куски разных сцен жизни какого-то племени врывались в её голову как воспоминания. Игра с маленькими детьми с палками и куклами, сделанными из подручных материалов, приготовление обеда на все племя, свадебная церемония и чьи-то похороны.

8. Аристократ или вор?

Следующим утром густой туман заполнил улицы города. Он смешивался с дымом из многочисленных труб, создавая плотную нематериальную стену, через которую мог пройти даже не волшебник, правда, только на ощупь. К семи часам лучи солнца, наконец, достигли земли. А через полчаса набежавший ветер прогнал туман прочь из города. Синяя сойка благодарила «спасителя» радостным щебетанием, но всё же ежились при каждом его порыве.

В имении Франков готовились к предстоящему вечеру. Слуги натирали паркет в большой зале, протирали зеркала в холле, мыли люстры и канделябры с электрическими свечами, развешивали новые дорогие портьеры, расставляли вазы с живыми цветами. Электрик проверял работу высоких и низких фонарей в саду. Несколько садовников заканчивали оформление клумбы. Их помощники сметали землю с каменных дорожек, подрезали кусты и опрыскивали деревья в маленьком парке, напоминавшем лабиринт с витиеватыми дорожками и живыми стенами из смеси кустов сирени, кипарисов и гортензий. Из распахнутых окон кухни доносились запахи свежеспеченного хлеба, печеной картошки и жареного мяса. Они перемешивались с запахами свежих огурцов, тимьяна и прочих не менее аппетитных ароматов. Все были заняты делом. Все, кроме двоих.

В глубине сада, укрывшись от суетившейся прислуги, на резной деревянной скамейке сидели двое. Енцо Джиронимо, полноватый мужчина с узкой затылочной частью от макушки до лба, в домашнем халате поверх пижамы, вальяжно облокотился на спинку. Его помощник Греджио Папа», человек мышинной наружности, учтиво сидел на краешке скамейки, опираясь двумя руками на свою трость.

– Думаешь, малыш Франс попытается выкрасть завещание сегодня? – спросил Енцо.

– Конечно, – без эмоционально ответил Греджио. – Нужно быть дураком, чтобы не воспользоваться такой возможностью!

– Но прошло 14 лет, а он не предпринял ни одной попытки даже в имение пробраться, – рассуждал Енцо.

– Некоторым приходится долго ждать, чтобы получить желаемое, – сказал Греджио, думая о своём.

– Но ведь ему было всего восемь лет, когда всё это произошло...

– Что это? – недовольно спросил Греджио, хотя и знал ответ заранее.

– Всё это, – Енцо неопределённо очертил круг в воздухе. – Мы присвоили себе имение Франков и выгнали малыша Франса с матерью отсюда, после того как... когда твои полузаконники [3] убили его отца.

– Не убивали они его! – Греджио закатил глаза, уставший от этого обвинения. – Он сам с моста прыгнул. Мои люди были просто свидетелями. И ты прекрасно знаешь, что нашей целью является не собственность Франков, а то, что они незаконно присвоили себе – сокровища. Ты – потомок знатных римлян, которые владели Золотым городом и всеми его вещами. А Франки – всего лишь потомки пирата, который украл у твоих предков их золотые вещи.

– Ты сильно упрощаешь историю... – с сомнением проговорил Енцо.

– Не важно, я веду к тому, что сокровища, которые Франки считают своими, принадлежат тебе по праву наследства. Ты просил Бернила Франка отдать тебе сокровища добровольно. Что он ответил тебе?

– Что он не хозяин, а хранитель, – пробубнил Енцо. – И что они является не моим наследством, а достоянием Итаеры и важны для истории мира... Мда, если бы Бернил тогда не задумал открыть музей Золотого города, я бы и не знал, что принадлежу к потомкам римлян. До сих пор удивляюсь, как тебе удалось это раскопать?

– Главное, что теперь ты знаешь о своих корнях и не должен отступать, – сказал Греджио, будто гипнотизируя своего собеседника. – Это твоя собственность и если этот оборванец Франс хочет вернуть своё имя и собственность, ему придётся отдать нам карту.

– Но прошло очень много лет, – вновь повторил Енцо. – Возможно, Бернил не успел рассказать своему сыну о карте и сокровищах. И за эти 14 лет малыш Франс мог смириться со своим положением и начать жизнь с чистого листа. словно косточка вишни, попавшее в землю и готовое прорасти в новое раскидистое дерево...

Вместо ответа Греджио потёр подушечками пальцев лоб, снял очки, вытащил из кармана платок и протёр им линзы. Енцо испытывающе смотрел на помощника, но тот молчал, и виду не подавая, что хочет вскочить и заорать на своего работодателя. Эта тема уже не раз всплывала в их беседах и каждый раз Енцо сомневался, приводя одни и те же доводы.

– Даже если малыш Франс и хочет вернуть себе имя, я не думаю, что он не способен на ограбление, – не выдержал молчания Енцо. – Настоящие аристократы так не поступают.

– Ему было восемь лет, когда он потерял отца и сразу за ним мать, – теряя контроль, говорил Греджио. – Он жил у своей прислуги на чердаке. Он ходил в обычную городскую школу для низшего класса. В десять лет он уже подрабатывал подмастерьем в часовой мастерской. Много лет работал на часовой фабрике, как обычный рабочий, ни разу не промолвив, что он сын одного из владельцев фабрики. Несколько лет работал на каторге, младшим наблюдателем. Все его знакомые – простые рабочие, люди среднего и низшего класса. Что у него могло остаться аристократического? Поверь мне, всё это время в нём крепла злость и жажда мести! Он хочет вернуть то, что по праву принадлежит ему.

– Тогда давай отдадим ему всё его имущество, – Енцо тоже начинал раздражаться. – Мы весь сад перерыли, весь дом простучали. Нет здесь никаких сокровищ... Пусть он забирает всё обратно, тогда и мстить не будет. А я спокойно проживу и без «наследства».

– То что мы ничего не нашли, не означает, что здесь ничего нет, – Греджио заговорил вкрадчиво, успокаивая голосом Енцо. – Когда 14 лет назад, мы закрыли перед носом Франков ворота их собственного имения, ты трясся как осиновый лист и лихорадочно повторял, что нужно сжечь правильное завещание. Уже тогда я понимал, что Франки могли надёжно спрятать карту и для нас шансы найти её самостоятельно были ничтожны. Нужна была вещь, которую Франс захочет получить любой ценой. Останется только расставить ловушку, и он будет исполнять наши приказы без шлема для каторжников. Один из моих людей уже давно втёрся к Франсу в доверие, поэтому я всегда знал где тот бывает. Я специально заговорил с тобой о сохранившемся завещании при Джамале, а затем послал его в таверну, куда Франс любит заглядывать. Они встретились и узнали друг друга. Джамаль рассказал о завещании, а мой человек позже надоумил Франса заняться предпринимательством, чтобы попасть на званый вечер. Ведь это самый простой способ пробраться в дом и выкрасть завещание.

– Ну, это не совсем кража, – зевнул Енцо. – Он же в свой дом приходит.

– Не важно, – рявкнул Енцо. – Вчера Джамаль снова встретился с Франсем.

– Тот спектакль, что мы разыграли накануне утром, сработал? – просиял Енцо.

– Да, Джамаль сказал Франсу, что завещание в сейфе и назвал код, который ты вчера диктовал мне слишком наиграно, – заметил Греджио.

– Я говорил, что было бы проще на бумажке код написать и перед Джамалем оставить, – развёл руками Енцо.

– Главное, что всё складывается удачно, – махнул рукой Греджио. – Сегодня вечером мои люди спрячутся за шторами у кабинета, когда Франс войдёт туда и откроет сейф, мы схватим его с поличным. Тогда ему придётся действовать по нашим правилам. Даже если он никогда не слышал о сокровищах Золотого города, ему придётся из кожи вон вылезти, чтобы найти карту, а ещё лучше сами сокровища. Иначе отправим его на каторгу за кражу украшений.

– Каких украшений? – не понимал Енцо.

– Которые ты в сейф положишь, – Греджио всё ещё старался сдерживать своё раздражение. – Выбери подороже и положи поверх завещания так, чтобы Франсу пришлось взять их в руки, прежде, чем добраться до завещания.

Енцо всё ещё сомневался. Он рассматривал фиолетовые гладиолусы и перебирал в голове возможные варианты развития событий.

– Если что-то пойдёт не так, мы можем подстраховаться, – Греджио использовал последний аргумент. – Как настоящий джентльмен он не допустит, чтобы что-то случилось с его сопровождающей дамой. Нам останется только напомнить ему об этом.

– Но мы же не причиним вреда безвинной барышне? – испугался Енцо.

– Всё будет зависеть только от Франса, – Греджио был готов пойти на что угодно, лишь бы достигнуть, наконец желаемого: заполучить карту с указанием места, где спрятаны сокровища Золотого города.

[3] Полузаконник – человек живущий по закону только, когда ему это выгодно. В остальных случаях без зазрения совести преступает закон в своих интересах.

9. Здесь должна быть последняя фраза главы, но всему своё время

Салон мадам Ди'Бо располагался на первом этаже текстильно-швейной фабрики. Взаимовыгодное сотрудничество молодой модистки и наследника фабрики переросло в крепкую семью, четверых детей и самый известный модный салон, куда стекались горожане и гости города, чтобы заказать обновки или прикупить ткани.

Красное кирпичное здание с несколькими высокими трубами было заметно издалека. От улицы его отделял ажурный кованый забор вшитый в кирпичные колонны. Через него любопытные прохожие могли рассмотреть наряженных гипсовых манекенов, позирующих в витринах. Большие арочные ворота распахивались с открытием салона. Вступая на каменную дорожку за ними, посетитель оказывался в небольшом ботаническом саду. Причудливые растения с крупными цветами выращивались с небольшим наклоном, создавая иллюзию стремления вырваться из земли, забежать в салон и подобрать что-нибудь достойное своим соцветиям. К дверям салона вели несколько ступенек. Верхняя часть крыльца таила в себе небольшой секрет. Как только посетитель поднимался на крыльцо, двери механически распахивались и не закрывались до тех пор, пока посетитель не сойдёт со ступеньки с противоположной стороны. Этот фокус восхищал. Казалось, что на крыльце стоит невидимый швейцар и открывает двери перед входящим и выходящим. Рассуждениями о механизме начинался или заканчивался каждый разговор о салоне. Хозяйева скромно хранили тайну. А хитрость заключалась в верхней платформе, захватившей по ступени со стороны улицы и салона. Когда кто-то наступал на верхнюю ступень с любой стороны, платформа слегка проседала и надавливала на рычаг, запускающий механизм открывания дверей.

И вот двери вновь распахнулись. Из салона показалась Настя. Восхищенная и похорошевшая. Ещё никогда поход за обновками не был для неё таким запоминающимся! Она была впечатлена не столько салоном и не работой его мастериц, сколько результатом, когда её подвели к большому зеркалу, демонстрируя итог работы.

На девушке было изумрудное платье с глубоким прямоугольным декольте и поясным кожаным корсетом, украшенным кружевом цвета морской волны. Коническая юбка не доходила до пола всего пару сантиметров. Каштановые волосы собрали в хвост на макушке и завили щипцами в локоны, которые как струи в фонтане спускались по её плечам. Настя всё больше привыкала к этому миру. Она даже смирилась с потерей желаемой должности. Сейчас в этом прекрасном платье, с уложенными волосами и приятным кавалером ей хотелось только одного: окончательно почувствовать себя принцессой, поехав на бал, который все остальные называли «званный вечер».

Рядом с ней появился Франс в изысканной тройке. Цвет его костюма был на пару тонов темнее, чем у его спутницы. Цилиндр украшала шёлковая лента в тон кружеву на корсете Насти. Лента крепилась в верхнем шве и аккуратной драпировкой спускалась к основанию шляпы.

– Позвольте, сударыня, заметить, что Вы невероятно похорошели, – улыбнулся Франс, предлагая девушке локоть. – Я даже подумываю, не нанять ли мне охрану для Вашей персоны.

– Франс, не смущай меня, – Настя взяла молодого человека под руку. – Я и так переживаю перед балом.

– Не стоит, – молодые люди направились по дорожке к воротам. – Первый час-полтора там довольно скучно. Помни главное: тебя зовут Ирма Долар, а меня Чипан Стоук.

Дорога в конном экипаже заняла всего десять минут. Подъезжая к имению, коляска замедлилась. Впереди образовалась очередь из таких же конных экипажей. Они неторопливо вышагивали вдоль высокого забора. Его железные прутья прятались в густой листве гортезий и клена. Создавалась непроницаемая стена, скрывающая дом Франков. Открытые ворота были плотно увиты плющом. Местами он пожелтел, но не сдавал позиций, уверенно цепляясь за холодные металл.

От ворот мощеная дорожка бежала к дому, петлей огибала клумбу с маргаритками перед парадным крыльцом и возвращалась к воротам. Места было достаточно, чтобы въезжающие и выезжающие не мешали друг другу. Конвейер из экипажей работал без остановки. Уже через несколько минут Франс и Настя вошли в гостеприимно распахнутые двери двухэтажного особняка с мансардой и башней с часами.

В просторном холле было многолюдно. Настя пару месяцев назад присутствовала на деловом фуршете и сейчас, казалось, снова попала туда. Гости знакомились друг с другом, рассказывали о своих предприятиях, обменивались визитками, иногда даже заключали устные договоры и партнерские соглашения. Всё было один в один, исключений было всего три: одежда на присутствующих на этом вечере была яркой и старомодной, гаджеты механические, а не электронные, а поведение более чопорное, полное достоинства и уважительного отношения к другим. На прошлом фуршете публика была в чёрно-серых деловых пиджаках, каждый держал в руке телефон, будто демонстрируя им свой статус. А общение было вежливым, но после трёх минут переходило на дружеский почти панибратский уровень. Мужчины могли позволить себе пошлую шутку, а некоторые бизнес-леди смели даже посмеяться над ней. Настя готова была признаться, здесь ей нравилось значительно больше, чем на мероприятии в неправильном мире.

Франс неторопливо вёл свою спутницу через холл. Они несколько раз останавливались, знакомились с другими гостями. Но как только первое знакомство заканчивалось, молодой человек вежливо раскланивался, ссылаясь, что должен отыскать своего компаньона и вёл свою даму дальше. На третьем знакомстве Настя заметила, что Франс начинает волноваться, становится более рассеянным и постоянно вытягивает шею, пытаясь отыскать кого-то в проёме, разделяющем холл и главный зал. Молодой человек заметно поменялся, когда вошёл в этот дом. Когда они въезжали в ворота, он громко и по-особому вздохнул. Когда только переступили порог дома, Франс так сжал Настину руку, что девушка чуть не вскрикнула от боли. Сейчас он, чуть наклонив голову вправо, слушал очередного предпринимателя, с упоением предлагающего именную роспись на фарфоровых тарелках, и глубоко дышал. Он вдыхал ароматы этого дома, как голодный прохожий вдыхает аромат свежего хлеба у булочной.

В главном зале людей было чуть меньше. Большая часть толпилась у столика с прохладительными напитками. Некоторые дамы сидели на диванах и обмахивались кружевными веерами. Их кавалеры стояли рядом, налаживая новые связи, или сидели на соседних креслах, разбирая образовавшуюся коллекцию визиток.

Франс замедлился у огромной картины. На ней летящая по волнам бригантина рассекала штормовые волны.

– Ты выглядишь очень взволновано, – шепотом сказала Настя. – У тебя всё в порядке?

– Да, волнуюсь немного. Давай постоим здесь, – Франс отпустил руку своей сопровождающей дамы и стал разбирать визитки. Настя осмотрелась вокруг. Этот бал для неё был настолько интересен, что в глаза бросалось сразу всё. И необычная интерпретация костюмов девятнадцатого века, и механические приборчики, вроде портативного телеграфа, миниатюрной печатной машинки, плёночных фотоаппаратов с большими ламповыми вспышками, и интерьер зала выполненный в классическом английском стиле, но в нежных изумрудно-синих тонах с ажурными украшениями из меди. Огромные картины на стенах заслуживали отдельного внимания, но в этом многообразии необычного, девушка не могла рассмотреть их как

следует, боясь упустить что-нибудь ещё более запоминающееся. И тут она это увидела! С другой стороны залы в окружение нескольких гостей стоял молодой человек. По сравнению с собеседниками он был немного выше, кожа его была смуглее. Строгая короткая причёска, чётко прорисованный подбородок и уверенный взгляд придавали ему притягательную силу. Синий сюртук подчёркивал размах плеч, а собеседники, видя его султанское величие, сами как-то сутулились, сгибали колени и смотрели исподлобья. Их спутницы, наоборот, приосанивались, становились ещё женственнее и благороднее. Но в погоне за вниманием этого красавца немного перебарщивали, превращаясь в жеманных мартышек. Молодой человек не обращал на них внимание, сосредоточившись на беседе с предпринимателями. Только сейчас Настя заметила, что молодого человека нежно держит под руку его сопровождающая дама. Она была в платье насыщенного синего цвета, чёрным поясным корсетом, украшенным золотой цепочкой и с чёрными волосами, уложенными в золотую сетку на манер средневековья. Она знала, что многие присутствующие дамы смотрят на неё с завистью. Скромно опуская глаза к полу она всё же выдавала понимание своего превосходства едва уловимой ухмылкой, иногда появляющейся в левой части губ.

Настя рассеянно водила взглядом по толпе туда и обратно, не зная как ещё выбрать возможность лучше рассмотреть этого незнакомца. В очередной раз остановив свой взгляд на нём, Настя осознала, что он тоже смотрит на неё. Девушка тихо вздрогнула. В голове замелькали золотые пылинки как в пустыне, а изнутри по голове застучали иголки. Это чувство щекотало мозг. Молодой человек наклонил голову в приветствии. Настя машинально сделала небольшой реверанс. Не зря она три года ходила в танцевальную студию. Хоть какое-то движение ей в жизни пригодилось.

– Замечательно, – вдруг сказал Франс. – Ал тоже здесь.

– Ал здесь? – эта новость заставила Настю вновь рассматривать толпу, готовясь засмеяться от забавного вида неотёсанного мужлана в приличном костюме, да ещё и с сопровождением. Воображение девушки рисовало тучную даму с ярко-красной помадой и со страусиными перьями в волосах.

– Где он? Не хочу пропустить этот цирк, – девушка с нетерпением крутила головой.

– Ты только что с ним поздоровалась, – ответил Франс, удивившись поведению спутницы. Настя застыла, глядя в глаза Франса. Молодой человек определенно не шутил.

– Ты перепутал, я поздоровалась с тем мужчиной в синем костюме, – Настя качнула головой в сторону незнакомца.

– Это Ал, – сказал Франс и приветственно кивнул незнакомцу. Тот ответил.

– Это какой-то другой Ал? – Настя всё ещё не верила в это.

– Это тот Ал, с которым ты уже знакома, – Франс постарался построить предложение так, чтобы девушка не задавала уточняющих вопросов, а про себя подумал: «Надо же, как борода меняет людей!»

10. Волк в овечьей шкуре

Когда официальная часть закончилась, гости немного расслабились. Они наслаждались напитками и закусками, любовались интерьером дворца, гуляли среди клумб и вели беседы на отвлеченные темы. Франс предложил своей спутнице прогуляться по саду, но очень быстро вернулся с ней обратно в зал и вновь остановился у картины с бригантиной. Молодой человек нервно посмотрел на часы. К ним подошёл слуга с подносом. Настя взяла хрустальный бокал с замысловатой ножкой в виде рыбки. Франс отказался. Слуга отошёл на пару шагов и остановился возле штор. Он почти вжался в них, чтобы не мешать гостям, но в любой момент быть готовым поднести им новый бокал.

В зале появился Ал со своей спутницей. Они остановились с противоположной стороны зала.

– Настя, – Франс впервые обратился к девушке по имени. – Ты мне доверяешь?

– Да, – недоумённо ответила она.

– Я хочу, чтобы ты помнила, что я не желаю тебе зла, – Франс говорил тихо. – Если ты никогда не вспомнишь своё прошлое, я приложу все усилия, чтобы ты ни в чём не нуждалась. Всё, что сейчас будет происходить, делается в моих интересах. Для меня это очень важно! И сейчас мне нужна твоя помощь.

– Ты хочешь украсть эту картину? – также шёпотом спросила Настя, указывая на бригантину в раме.

– Что? Нет, – опешил Франс. – Её нельзя украсть.

– А почему мы постоянно около неё трёмся? – не выдержала Настя. – А вы с Алом ещё и вид делаете, что не знакомы друг с другом. Ты на часы посмотрел, огляделся, почти сразу Ал вошёл. Остановился поодаль. У вас явно какой-то план.

– Да, план, – признался Франс. – И ты можешь помочь нам в его осуществление.

– Чтобы я согласилась, скажи мне, что вы воруете у плохих людей, – Настя терялась в сомнениях, нравственность заговорила в ней с какой-то новой силой.

– Плохих людей не бывает, – усмехнулся Франс. – Мы не ворует. Я забираю своё.

– И что я должна делать? – исходя из логических соображений, Настя понимала, что выбора у неё не было. С одной стороны она должна была Франсу за своё спасение, с другой она боялась, что если откажет, Франс обидится и в ответ откажется помогать ей в дальнейшем.

– Вам нужно разыграть небольшой скандал, – ответил Франс. – Спутницу Ала зовут Милена, но здесь она представляется как Сильвия. Так к ней и обращайся. Ал – это Тони. Милена, то есть Сильвия, должна приревновать тебя к Алу, то есть Тони. По нашей пьесе мы с Алом, то есть с Тони в ссоре.

– Сильвия, Тони, ты-Чипан, я – Ирма, – повторила Настя и направилась в неизвестность.

– Тони, я рада видеть тебя, – улыбнулась Алу Настя, разыгрывая случайную встречу.

– Ирма, ты тоже здесь? – сделал удивленное лицо Ал.

– Конечно, у вас с Чипаном одно предприятие. Нас тоже пригласили, – Настя сама удивлялась своей находчивости.

– И ты, конечно же, не могла не поздороваться, – с ехидством заметила Милена. Она прекрасно исполняла свою роль ревнивой соперницы.

– Где твой спутник? – немного настороженно поинтересовался Ал, небрежно окидывая взглядом зал.

– Он увидел вас и вышел в сад, – махнула рукой Настя в противоположную сторону от Франса. – Но я решила, что будет некрасиво даже не поздороваться.

– Поздороваться, – продолжала ехидничать Милена, очень естественно раздражаясь. – Признайся сразу. Тебе не дает покоя мысль, что Тони выбрал меня.

– Мне кажется это не лучшее место для выяснения отношений, – Настя радовалась про себя, что Милена взяла на себя роль скандалистки.

– А нам ничего выяснять не надо, – Милена продолжала повышать голос. – Все и так ясно. Многие гости уже заинтересовались развивающейся сценой и, не стесняясь, с любопытством наблюдали за происходящим.

– Сильвия, ты заводишься на пустом месте, – Ал изображал человека, которого раздражает начинающаяся женская ссора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.